

18+

ВАЛЕНТИН КОЛЕСНИКОВ

ЗАМКОВАЯ ГОРА

СБОРНИК МИФИЧЕСКИХ
ИСТОРИЙ

Валентин Колесников

**Замковая гора. Сборник
мистических историй**

«Издательские решения»

Колесников В.

Замковая гора. Сборник мистических историй / В. Колесников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515187-2

Эта история произошла в 1981 году 30 сентября в среду ровно в 11:00 на Замковой Горе в Киеве. Я долгое время не решался опубликовать данный текст из-за неправильной интерпретации изложения, в связи с всеобщим неприятием подобных фактов в обществе.

ISBN 978-5-00-515187-2

© Колесников В.
© Издательские решения

Содержание

/сборник МИСТИЧЕСКИХ историй/	6
Книга – 1	7
Андреевский Спуск	8
Глава первая	9
Глава вторая	16
Глава третья	19
Глава четвертая	23
Глава пятая	29
Книга – 2	32
Глава вторая	38
Глава третья	44
Глава четвертая	48
Глава пятая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Замковая гора

Сборник мистических историй

Валентин Колесников

© Валентин Колесников, 2020

ISBN 978-5-0051-5187-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗАМКОВАЯ ГОРА

/сборник МИСТИЧЕСКИХ историй/

Эта история произошла в 1981 году 30 сентября в среду ровно в 11—00 на Замковой Горе в Киеве. Я, долгое время, не решался публиковать данный текст из-за неправильной интерпретации изложения, в связи с всеобщим неприятием подобных фактов в обществе.

«Примечание автора».

Книга – 1

Андреевский Спуск

Глава первая

Улица Андреевский спуск в Киеве, знаменита творчеством Булгакова. Здесь, в своем домике, на Андреевском спуске, ныне музей писателя, он начинал писать свое знаменитое произведение «Мастер и Маргарита», полное чудес и приключений. И не случайно, писателя вдохновляло мистическое расположение улицы. В начале Андреевского спуска стоит Андреевская Церковь, затем, чуть ниже высится готическое строение «Замок Ричарда – Львиное сердце», хранящее в себе множество таинственных слухов о всякой чертовщине, которая бродит там, в ночное время. Этим объясняется и тот факт, что это строение готического замка никак не удастся реставрировать. То проводка внезапно сгорит, то обвалится часть штукатурки, а то и стекла, застекленных окон ни с того ни сего вдруг разлетаются в мелкие осколки. На противоположной стороне от него, чуть ниже видны ступеньки крепко сбитой широкой деревянной лестницы, специально построенной для туристов. Эта пешеходная лестница ведет на не менее знаменитую Замковую гору. По преданию на этой горе был замок резиденции Князя, правящего Киевской Русью. Во времена Татаро-Монгольского нашествия, а именно набега Крымского хана Менгли-Гирея, замок был разрушен.

Если взобраться по лестнице, наверх-то взору с этой Горы открывается чудесный вид на Днепр, на Киев. Отсюда с высоты хорошо видна Андреевская Церковь и готический дом, который возвышается над Андреевским спуском, как призрак архитектуры средневековья.

Был погожий воскресный майский день. Мы с моей женой Лиличкой женаты уже шесть месяцев, и в этот весенний день убежали от домашних хлопот на прогулку по излюбленным местам города. В этот раз целью нашей прогулки была Замковая Гора. Взобравшись по лестнице наверх, мы вошли на поляну перед старым парком. Мое внимание привлекло дерево с необычной кроной. Ровный укрытый черной корой ствол без веток и сучков поднимался до двух веток, отросших от ствола на одном уровне и с противоположных сторон. Причем толщина веток равняется толщине ствола дерева. От этих веток вверх тянутся тонкие ветви. А ствол далее от этих веток простирается выше на метр и разрастается в раскидистую крону. Я подошел ближе к дереву, чтобы внимательнее рассмотреть его кору и породу.

– Валик! – позвала меня жена. – Что ты там увидел?

Я обернулся к ней: – Хочу взглянуть ближе на это дерево.

– И, что?

– Это, оказывается, ольха. И растет это дерево, обычно, на влажных местах, близ водоемов. Странно, что тут высоченная гора, глинистая почва, воды нет, а эта ольха прекрасно прижилась.

– Ну и, что с этого? – удивленно взглянула на меня Лиля, – Пошли дальше посмотрим, что там дальше? Может какие-то остатки замка еще остались?

Я не стал возражать. Идя следом за женой по узкой тропинке, протоптанной в траве туристами, я с любопытством заметил на противоположной стороне поляны, напротив странного дерева, полуразрушенную могильную оградку. «Ага, значит это старинное кладбище. А это дерево похоже на крест, обросший ветвями» – догадался я, и жестом указал на то место и на заброшенную могилу жене. Она посмотрела на меня и тихо сказала: – Мне жутковато тут, что-то становится.

– Что, может, уйдем? – предложил я.

Но, заметив пару молодых людей, появившихся, словно неоткуда на поляне, Лиля ответила: – Ну, уж нет! Да и мы тут, похоже, не одни.

Я огляделся вокруг и заметил еще одну пару, сидевшую на южном склоне Горы, на зеленом ковре травы под теплыми лучами майского солнышка. Мы вошли в заросли раскидистых деревьев и обнаружили еще несколько разрушенных могил с разбросанными то тут, то

там могильными плитами из черного гранита. Углубляясь дальше, мы увидели хорошо сохранившейся просторный склеп кирпичной кладки. Внутри склепа было много разного мусора и хлама. Ржавые оградки торчали искореженным железом из земли. Прохлада тенистых крон деревьев, старинные надгробья и тишина этого зловещего места вселяли неприятные ощущения уныния и тревоги, и, чтобы избавиться от нахлынувших чувств, я предложил: – Давай пройдем ближе к южному склону Горы, может, там найдем остатки старинного замка?

Жена, ухватившись за это предложение, как за спасательную соломинку, дающую возможность избавиться от страха, заползающего под легкую футболку, ободряюще посмотрела на меня. Вскоре мы уже были у развалин кирпичной кладки, по-видимому, фрагмента стены, некогда защищавшей замок с южной стороны. Здесь было светло и тепло. Солнечные лучи хорошо проникали сюда, так как стена стояла практически на вершине отвесного южного склона. У нас под ногами остатки выложенной мелким булыжником мостовой. Южный склон Горы делал крутой разворот вправо и уже становился почти отвесным западным склоном, основанием, упирающимся в Старый Подол. Складывалось впечатление, что мы стоим на вершине, усеченной закрытой желтой глиной пирамиды. Стоя на ее вершине, поневоле в сознание закрадывается мысль о не найденной библиотеке бесценных старинных рукописей князя Владимира, крестившего Русь. Библиотека была укрыта от разорения захватчиками древней Руси и не найдена до сих пор.

Бродить по Замковой горе Лиле надоело, и она предложила уходить, как можно быстрее с этой вершины домой. А у меня только разгорелся азарт исследователя старины, и я не прочь был бы еще продолжить исследования этого места, но желание любимого человека, прежде всего, и мы двинулись вдоль южного склона в обратную сторону в направлении лестницы. Я с любопытством осматривался вокруг и вдруг под ногами на тесно уложенных булыжниках увидел неприметные три концентрические окружности. Более внимательные и любознательные туристы легко могут разыскать у южного склона Замковой Горы и видеть у себя под ногами эти уложенные концентрическими окружностями камни, вросшие в землю и ставшие почти незаметными. Камни были установлены острыми краями вверх и это сооружение, наверняка ритуальное, по всей видимости, для каких-то магических действий. Наружная окружность диаметром около 1,5 метра, внутренняя окружность диаметром около метра. Вокруг место было окружено кустарником и деревьями, а с юга, чистое пространство, так как там отвесной склон, уходивший в глубокий овраг, по которому шла дорога, ведущая к Подолу и к Подольской церкви. Там велось интенсивное строительство элитного городка под офисы и гостиницы.

Лиля быстро шла вперед, и я, чтобы не отстать от жены, не успевал, как следует, рассмотреть этот интересный пяточок, возбуждающий воображение своей необычностью. Мы уже подходили к поляне с росшим там крестообразным деревом, как из кустов донесся запах жареных пашлыков и голоса. Я посмотрел в ту сторону и заметил там под сводами крон вековых деревьев свежерытую яму с кучей вынутаго желтого песка и двух притихших парней, уставившихся на нас. Парни посмотрели друг на друга, один из них, в оранжевой футболке, вскочил с места и двинулся в нашу сторону. В это время Лиля заметила его и ускорила свой шаг. Позже она мне сказала, что очень испугалась, что ей показалось, что это были черные археологи, ведущие незаконные раскопки старинных кладбищ в поисках ценностей. И, что они могли нас избить и зарыть в этой яме. Но, вернемся к парню, который ускоренным шагом приближался к нам. Он с каждым шагом подходил все ближе и ближе. Но лестница была уже рядом, и мы первыми стали спускаться по ней. Я посмотрел на побледневшую жену и, чтобы успокоить ее, предложил:

– Лиличка, давай пропустим этого парнишку вперед. Он явно куда-то спешит. – Жена посмотрела на меня, перевела дух и остановилась на верхней смотровой площадке, как бы делая вид, что осматривает открывшуюся отсюда с высоты панораму Киева. Парень, не глядя

на нас, пробежал по ступеням вниз и скрылся из виду. И только сейчас моя жена укрылась розовым румянцем, пришедшим на смену бледной обеспокоенности на лице.

– Судя по внешности этого парня, он явно из Западной Украины. – Высказал я свои догадки, откуда этот человек.

– Видно по зверской мине, я сразу поняла, что он приезжий. Зарезал бы, не моргнув глазом.

– Ну, так и зарезал бы? Ты, что одна здесь, что ли, жена?

За разговорами, мы добрались домой. А вечером, лежа в постели, Лиля сказала:

– Ты уже месяц не работаешь, после того как уволился из ОКТБ. А моей заводской зарплаты из «Медтехники» нам не хватит.

– Завтра устроюсь, обещаю.

Утро солнечное и теплое. За окнами первые листочки уже зеленели на деревьях во дворе дома и, отсюда, с высоты седьмого этажа, хорошо просматривается все, что растет там внизу. Я подбрil свою поросль на лице, оформив в аккуратную бородку. И после утреннего кофе с женой на кухне, стал собираться на поиски новой работы.

– Давай вместе выйдем, – предложила жена. – Мне на завод пешком, проводишь?

– Конечно, прогулка с тобой сулит удачу. – Пошутил я, на что жена строго ответила:

– Домой можешь не возвращаться, если не устоишься. – И, выдержав значимую паузу, – Понял?!

По ее строгим ноткам в голосе, я, конечно, понял, что шутки с моим трудоустройством закончились раз и навсегда.

Мы вышли из дома. Путь наш лежал вдоль озера по проложенной строителями Метрополитена дороге, разбившей Оболонское озеро пополам. Рядом с Лилиной работой стоял комбинат бытовой химии «Заря». Комбинат не заботился об экологии и сливал всякий не потреб в западную часть озера. И когда это происходило, то со стороны комбината шел удушливый смог. Лилия часто жаловалась на неприятный запах и тошноту, когда на ее «заводик» дули ветра со стороны комбината. Я переживал за ее здоровье, но сделать ничего не мог. Мы всю дорогу молчали. Горький комок стоял в моем горле от ее напутственных слов по случаю моих поисков работы, а на душе кошки скребли. Вдали показался ее завод «Медтехники», и, распрощавшись с женой, я двинулся к станции метро «Петровка». Оставшись наедине с собой, и собрав мысли на поиске новой работы, я продолжил свой путь. Метро «Петровка», как спокойная людская река, всегда действовала на меня своим свободным и легким течением времени. Пассажиры в вагоне, в который я вошел, производили на меня всегда впечатление какой-то отчужденности, каждый из них занят своими заботами и делами и нет никакого дела до соседа, едущего и сидящего рядом или напротив тебя.

Так рассматриваясь вокруг, я увидел нищего старика с палкой, ковыляющего по вагону с привязанным полиэтиленовым кульком к веревке, опоясывающую его выдавшую виды куртку. Ему пассажиры бросали всякую мелочь в этот кулек, а он благодарил их словами благодарности и желал всем процветания и здоровья. Я решил тоже дать ему кое, какую мелочь и стал рыться в кармане костюма. Не обнаружив там ничего, кроме 2-х копеек, вытащил из кармана пустую руку и решил, что так и будет, как вдруг обнаружил нищего рядом со мной. Он упорно стоял, не сводя с меня пристального взгляда. Я вынужден был достать эти 2 копейки и сунуть ему в протянутую длань. Старик посмотрел на монетку, пробурчав, что-то невнятное зло швырнул монету мне в лицо. Я успел увернуться, а нищий, трясая своей, похожей на лопату, седой бородой, изрыгая проклятия, явно в мою сторону, вышел на перрон в открывшуюся дверь. Моя станция «Красная Площадь», ныне «Контрактная», была следующей, и я решил выйти тут. Пройдя подземным переходом, я очутился на трамвайной остановке. Подъехал трамвай №11, не раздумывая, я вошел в него. Трамвай довез меня до завода «Электроприбор» и, следуя интуитивному предчувствию, что именно тут мое будущее рабочее место, я

очутился в отделе кадров. Инженерно технический состав сотрудников завода на работу принимал начальник отдела кадров, поэтому я, обнаружив на дверях соответствующую табличку, открыл дверь его кабинета. У окна за обычным письменным столом, какими оборудованы заводские техотделы, сидел мужчина средних лет и поверх очков молча, уставился на меня. Кресло за другим массивным столом было пустым. Решив, что хозяина нет на месте, я бодро спросил:

– А где сам? – и, кивнул на кресло.

– Вы, кто? – зашелестев бумажкой в руках, вопросом на вопрос, в свою очередь, спросил сидевший.

Изобразив из себя важную «персону», я решил поймать удачу за хвост и недолго думая, выпалил:

– Я из конструкторского отдела. – Мужчина клянул и переспросил:

– От Гольде? – понятия не имея, кто такой Гольде, я продолжал свой диалог, – Он направил меня к начальнику отдела кадров на оформление. Мужчина озабоченно потер правой рукой свой массивный нос, затем осторожно спросил:

– А, кто Вам выписал пропуск на завод?

– Да я увидел, что через кабинку проходят люди без пропусков, ну и прошел. У меня никто не спросил пропуск, да если бы меня остановили, конечно, я бы выписал.

– Ну да ладно. – Мужчина снова почесал свой нос. По всей видимости, от частых процедур массажа у него этот орган так внушительно вырос. Мы, молча, смотрели друг на друга. Пауза затягивалась. Выдержав длительную паузу, он вдруг спросил:

– Документы у Вас при себе? – я не колеблясь, отчеканил: – Так точно.

– Давайте сюда, пойдем оформлять Вас. Да, а кстати, куда Гольде Вас берет, ну на какую должность? – я догадался, что моя затея с моим трудоустройством удалась. Осталось определиться с должностью. В моей трудовой было записано, что я инженер конструктор первой категории. Я, добавив себе звания, ответил: – На должность ведущего инженера конструктора.

Мужчина внимательно, испытующе, посмотрел на меня и сказал.

– Ну, у нас такой вакансии нет, есть вакансия, ведущий инженер конструктор-технолог по сопровождению изделий в производстве.

– Начальник отдела имел эту должность в виду, я просто машинально повторил так.

– Ну, хорошо. Вот Вам листок и ручка.

Он вручил мне чистый лист бумаги, пишите заявление на должность. Вот садитесь сюда. – Он указал мне на стол, за которым сидел, а сам пересел за массивный, добавив на ходу, – Там образец заявления под стеклом.

Я достал из нагрудного кармана трудовую книжку, паспорт и передал ему. Он стал внимательно листать, изучая мою трудовую биографию. Полистав, и внимательно поглядев на меня, добавил: – Когда Гольде подпишет заявление, сразу ко мне. Я дам вам бланки заполните и можете выходить на работу.

Скрывая свое ликование, и стараясь писать, как можно спокойнее, чтобы буквы в заявлении получались ровнее, я спросил: – Здесь в «козе» указывается оклад, что мне писать, ставить прочерк или сумму?

– Оставьте, место начальник отдела напишет оклад сам, когда будет подписывать заявление.

– Хорошо! – стараясь придать голосу больше уверенности, солидно ответил я. Написав заявление, я передал его начальнику отдела кадров. Тот на заявлении поставил отметку, что вакансия свободна, отдал его мне со словами:

– Идите в наш архив, там Зинаида Максимовна выпишет Вам пропуск, я подпишу, и идите на подпись в отдел Гольде. Потом ко мне за бланками.

– Есть! – по-военному отчеканил я и вышел.

Начальник конструкторского отдела смотрел на меня сквозь массивные очки, висевшие на носу, как на крючковой ветке саксаула хамелеон, а его серые глаза впились в меня, как две сверкающие линзы. Он держал в руках мое заявление, и листок чуть вздрагивал в его руках, покрытых черными кудряшками густых волос, хорошо видных из-за коротких рукавов цветастой тенниски.

– Ну-с, молодой человек, я Вас так сразу взять не могу на эту должность. Мне надо, какой-то испытательный срок, а там будет видно. Я подпишу заявление позже. Сейчас пойдете к Любченко Александру Владимировичу на собеседование, будете работать у него в конструкторско-технологическом секторе отдела сопровождения изделий в производстве.

Александр Владимирович оказался немногословным, не старым еще, но, уже не молодым начальником с виду лет сорока пяти.

Увидев меня, он, молча, и вопросительно посмотрел в мою сторону, жестом указал на стул, приставленный к его рабочему столу, с папками чертежей. Я, молча, уселся на указанное место.

– Ну, рассказывайте, что умеете, кто рекомендовал Вам придти к нам?

– Да не кто. Просто проходил мимо, дай, думаю, зайду. Ну, вот зашел. Кадровик направил в отдел Гольде.

– Александр Аскольдович, конечно, принимает только по рекомендации с допуском на объект не ниже первого.

– Так у меня допуск номер первый по секретной части. Тут все в порядке.

– Ну, тогда все отлично. Мы работаем на оборонную промышленность, и случайных людей тут нет.

– Так я закончил ВУЗ подведомственное Машиностроительной промышленности, а все эти институты исключительно обучают специалистов для военной промышленности.

– Ну, тогда с этих проблем не будет. В основном Вы нам подходите.

С этими словами Любченко набрал внутренний номер телефона и сообщил:

– Александр Аскольдович, в принципе пусть оформляется. Он мне подходит. – Он выдержал паузу, слушая, что отвечал Гольде, затем добавил, – А, что с окладом? Да, хорошо. – И уже обращаясь ко мне, сказал, идите к Александру Аскольдовичу он напишет Вам оклад для отдела кадров, и когда планируете на работу?

– Сегодня четверг, май на улице, хочется еще подышать Весной. С понедельника.

– Хорошо. Работа у нас на заводе начинается с восьми, сотрудники ИТР выходят на девять, так что милости просим в понедельник, хоть Вы мне нужны еще вчера. – Говоря эти слова, он начеркал на моем заявлении, что собеседование проведено и поставил дату выхода на работу.

Александр Аскольдович молча, подписал заявление. Я обратил внимание, что оклад не проставлен.

– Извините, Александр Аскольдович, а что с моим окладом?

– Выходите на работу. В зарплату увидите свой оклад.

Как от неожиданного укуса пчелы больно прозвучали эти слова. В ответ я промолчал, а про себя подумал, что оборонная промышленность финансируется без перебоев и стабильная зарплата мне обеспечена. Распровавшись с новым руководством, я с подписанным заявлением выбежал за проходную к начальнику отдела кадров. В кабинете он уже поджидал меня. Молча, взял заявление, сказав:

– Трудовая книжка остается у нас, так как Вы приняты на работу. Вот в понедельник зайдете в отдел кадров отдадите заполненные бланки и принесите две фотографии, чтобы мы могли оформить Вам постоянный пропуск. Временный будет на проходной, назовете свою фамилию, и Вас пропустят на работу. Всего хорошего.

– Пойдите, а, что с окладом?

– Я думал, что Гольде напишет Вам персональную надбавку к окладу, но у нас должность инженера конструктора-технолога первой категории сто двадцать рублей плюс квартальная премия сорок пять процентов. Вот и считайте, со всеми вычетами набегаем сто шестьдесят в месяц.

– Ну, что – ж и на этом спасибо.

– И еще, почему Вы сказали, что Вас прислал Гольде оформляться? Когда Вы с ним не встречались?

– Потому, что мне нужна эта работа. До свидания.

– Всего доброго.

Я уже открывал дверь кабинета, когда начальник Отдела Кадров окликнул меня.

– Подождите! Я совсем забыл сказать, что пока вы шли ко мне, позвонил Любченко и потребовал Вас обратно в отдел.

У меня холодком заползло нехорошее предчувствие: – «А, что, если передумал принимать этот Любченко», – подумалось мне, вслух я ответил: – Да, хорошо, уже иду.

Начальник кинул вдогонку: – Временный пропуск уже на проходной, кабина номер шесть.

Любченко встретил меня приветливой улыбкой. Рядом с ним стояла женщина и молодой мужчина.

– Знакомьтесь, Валентин Альбертович. – Начал Любченко, – Вы идете в группу к Исаю Александру Васильевичу.

Мужчина протянул мне руку, – Александр Васильевич, начальник группы сопровождения. И, обратите внимание, рядом со мной Тамара Петровна, тоже из нашей группы.

Женщина протянула мне маленькую и сильную ладонь, пожала мою руку, сказав, – Я буду Вам подсказывать и введу Вас в курс дела. Проведу по цехам и отделам, чтобы Вы, Валентин, вошли в курс дела.

– Ну, не наседайте так, Тамара Петровна, – вмешался Любченко, – пусть обвыкнет немного. – И, обращаясь ко мне, сказал, – Пройдемте Валентин Альбертович, я Вам покажу Ваше рабочее место, вон там рядом с моим, за тем кульманом.

Мы прошли вдоль ряда чертежных досок, закрепленных на металлических стойках к моему рабочему месту. Там уже лежали папки с чертежами на моем теперь уже письменном столе, к которому меня подвел Александр Владимирович.

– Вот здесь Вы устраивайтесь и можете посмотреть чертежи. Мы проверяем правильность чертежа и вносим изменения согласно действующим стандартам. Надеюсь, Вам это знакомо.

– Конечно. Я ведь работал конструктором первой категории в ОКТБ при Министерстве Торговой Промышленности Украины, и все действующие Гости знаю.

– Очень хорошо. Ну, смотрите и желательно, чтобы вы досидели до восемнадцати ноль-ноль. До конца работы. Этот день Вам будет зачтен, как рабочий. Ну и еще, если захотите выйти раньше на работу, то милости просим. Пока Вы будете в отделе, в цеха сможете ходить после того, как получите специальный пропуск, так как ведомство наше принадлежит Военно-Морскому Флоту и многие разработки, которые выполняются у нас с грифом секретно. У Вас же есть номер первый допуска, вот после соответствующих проверок, что будет длиться месяц полтора, Вам выдадут цеховой пропуск.

Я уселся за свой стол и стал листать чертежи, внимательно рассматривая детали механизма, и выявил несколько ошибок. Любченко меня похвалил. За работой время промелькнуло быстро. У Лили рабочий день кончался раньше, и она меня встретила в слезах и в упреках:

– Что, не мог скотина позвонить, что ты уже работаешь, а?

Я, конечно, оправдывался, как мог. Жена немного смягчилась, конечно, помогло мое трудоустройство. Затем, утерев слезы носовым платком, спросила:

– Ну, и сколько тебе дали денег? – на что я не смог ответить внятно, сказал лишь, что узнаем в зарплату. И, в конце концов, все обошлось мирно.

Работа мне нравилась, но была очень однообразной и нудной. От этого клонило ко сну, и часто с сотрудниками я выходил на перекур, чтобы хоть как-то прогнать наплывающую сонливость, и конечно же, никогда не курил.

Глава вторая

Я уже проработал четыре месяца. Получал исправно аванс и зарплату вовремя. Как-то Любченко сказал, что уезжает в Питер, так на заводе «Электроприбор» называли Ленинград в то памятное время, когда мы жили и работали в Советском Союзе. Командировка его должна была продлиться две недели, за себя начальник сектора конструкторско-технологического отдела оставил Исаю Александра Васильевича. Александр Васильевич несказанно был рад этому, и настроение его было не просто приподнятым, а, сверх приподнятым. Он шутил со всеми, сыпал остротами и рассказывал анекдоты. В отделе, царил у сотрудников всеобщая эйфория в связи с отъездом начальника сектора в командировку в «Питер». Я не понимал такого приподнятого счастья, хоть по лицу Любченко не скажешь, что он обрадовался этому. При каждой приближающейся к нему сотрудницы, он робко вздыхал, доставал свой карманный блокнот и заранее уже знал, что от него хотят, аккуратно записывая, что привезти тому или иному сотруднику.

Короче я, прейдя на работу на следующий день, обнаружил половину отдела небыли по разным причинам на работе. Вот почему такая радость царил вчера, а сегодня я и Тамара Петровна, бегали по цехам, проверяя внедрение изменений в производственный процесс. В одном цеху мы столкнулись.

– Ну, как Валентин, тебе работа?

– Да ничего, видите, справляюсь. – Предательская мысль сверлила меня с того самого момента, как я понял всю радость командировки Любченко для отдела. Набравшись храбрости спросил Тамару Петровну: – А, что если, Тамара Петровна...

– Так, Валентин, не Тамара Петровна, а Тамара. – В ее черных глазах засверкали веселые искорки, а полные чувственные губы чуть тронула ироничная улыбка, вызвав у глаз намечающуюся сетку «солнечных» морщинок. Я в душе был до крайности удивлен этому заявлению, называть ее по имени, считая, что в ее возрасте давно пора забыть о днях давно минувших. Но в этот деликатный момент, скрывая свое смущение, выдал из себя ее имя без ее отчества:

– Тамара, а скажите мне, нельзя, как-нибудь сегодня пораньше уйти. Начальство уехало, нет ни Гольде, ни Исаю, и Любченко в придачу.

– Тебе куда-то надо? – поинтересовалась Тамара Петровна.

– Проветриться хочу. За окном золотая осень, конец сентября. Вы же знаете, что на новом месте всегда с трудом вписываешься в работу и устаешь.

– Понимаешь, Валентин, на проходной контроль и обязательно доложат Любченко, а он снимет прогрессивку. – Она снова посмотрела на меня своими искристыми глазами, потом, добавила, – Ну, сегодня дежурит на проходной моя давняя приятельница, когда придем в отдел я позвоню ей. Нет, лучше схожу, договорюсь. Только смотри, не попадись на глаза главному инженеру или начальнику отдела кадров, хорошо. Ну, пошли. Ты давай в отдел, а я скоро буду и скажу тебе.

– От спасибо Вам, Тамара. – Напряжение разговора улетучилось вмиг, и я с душевным облегчением уже бежал по ступенькам лестничного марша к нам в отдел.

Она появилась, не успев, я закрыть за собой дверь отдела.

– Шестая кабина, можешь идти. Как раз обед скажешь, если встретишь кого-то из контролеров, что выходишь на обед. Но в этом случае придется вернуться обратно. Понял?

– Конечно, и спасибо Вам.

– Не за что. – Опустив глаза, ответила Тамара Петровна. Услышав за своей спиной ее душераздирающий вздох, стремительно приближаясь к своему рабочему месту. Надо привести тут все в порядок, так, как сегодня пятница, а впереди два выходных дня. И уже через пару минут я уже был на проходной. С замиранием сердца, чтобы никого не встретить, я быстро

прошел кабиной номер шесть на выход и быстрым шагом умчался на стоянку трамвая. К остановке, как раз подкатывал, скрипя колесами о рельсы трамвай номер три. Двери открылись и из первых вышел Исай, я входил в заднюю, поэтому мы, по чистой случайности, не столкнулись. Неприятное чувство волной отхлынуло от меня только тогда, когда трамвай тронулся с места. В окно мне хорошо было видно, как неторопливой походкой Александр Васильевич стал подниматься ступеньками к торговому павильону, где наш завод продавал разный ширпотреб собственного производства. Значит, начальник группы сопровождения изделий не намерен заходить на завод, а тем более в отдел, и я со спокойной уверенностью поехал дальше. Наконечной трамвая «Контрактовая площадь» я вышел, взглянув на свои часы, стрелки показывали 12—30. Домой ехать не хотелось, и я решил пройти по Андреевскому спуску, вверх к Андреевской церкви и там уехать вниз на фуникулере к станции метро «Почтовая площадь». Вверх по мощеной камнем улице подниматься было не совсем легко, вскоре я очутился, у музея писателя Булгакова, устав, я уже совсем не хотел идти дальше. Остановившись у памятника писателю, я стал рассматривать ряды торговцев сувенирами, что расположились по обе стороны мостовой. Взгляд скользнул на лестницу, ведущую вверх к вершине Замковой Горы. Что-то подтолкнуло меня перейти на другую сторону улицы, и я влекомый непонятными чувствами решил подняться туда и более внимательно рассмотреть все вокруг. Так и время пройдет незаметно. Надышусь кислородом, будет здоровее сон, подумалось мне. Не спеша я перешел на противоположную сторону Андреевского Спуска и очутился у лестницы, которая терялась, прячась в высоте за ветками буйной листвы. Энергично цокая каблучками туфель, мимо меня промелькнула черноволосая девушка с длинными волосами, собранными хвостом. Мельком окинув меня взглядом, ступила на камни мостовой и скрылась из виду. Я механически посмотрел на ее волосы и лениво ступил на лестницу, стал подниматься вверх. Яркая оранжевая и красная листва вперемешку с желтыми листьями, бликами отсвечивала солнцем, мягко и ласково, как бархат, лучи пробивались сквозь нее, освещая своим теплом все вокруг. Поднявшись еще на метров пятнадцать, я остановился, чтобы перевести дух и с высоты смотровой площадки, открылась сказочная панорама Андреевского спуска, чуть дальше виднелся Днепр с прогулочным катером, медленно плывущим против течения. Как игрушечный кораблик отсюда с высоты, наблюдался его белый остов с фигурками, сидящих на палубе за столиками туристов. Постояв еще немного, я выбрался, наконец, из лабиринта лестницы и очутился на Замковой горе.

Тут я решил более подробно пройти по тем местам, где совсем недавно, весной, мы с Лиличкой гуляли ее, казалось, еще нехоженными тропами.

Стараясь не смотреть по сторонам, я ускоренным шагом прошел поляну, ступая по сухой осенней траве, скрывающей тропинку, протоптанную туристами. Моей целью был фрагмент стены старинного замка, сохранившейся в не разобранной кирпичной кладке очевидно из-за сложных подходов для транспортирования добытых кирпичей. А самое главное, что привлекало меня в этой стороне Замковой Горы, это угол почти отвесного обрыва, упирающийся в Старый Подол. Мне хотелось более внимательно рассмотреть этот стык двух сторон Горы, так напоминающий облепленные глиной стороны усеченной древней пирамиды. Наверняка в этой горе есть потайные подземелья и ходы, где могут быть спрятаны сокровища. На эту мысль меня натолкнули и те черные археологи, с которыми мы столкнулись здесь с Лилей весной. Углубившись в эти мысли, я не заметил, как очутился у развалин стены. Рассматривая внимательно грунт и окрестности, решил пройти за стеной, протоптанной в глине тропой, ступенькой тянущейся к ребру стыка крутых холмов Горы. С мину прикидывая, что я там смогу увидеть, я понял, что кроме отвесных холмов заросших сухой травой, ничего не увижу интересного, поэтому принял решение, осмотреться здесь, где нахожусь. Да и понятно, что все ходы, в разные подземелья начинаются, конечно, с внутренних сторон замков, маскируемых под всевозможные внутренние сооружения. И вообще мне уже эти поиски порядком надо-

ели, что стоило подняться по Андреевскому спуску от Красной площади сюда наверх. Усталость внезапно навалилась и я, решил уйти, благо спускаться вниз не то, что лазить по горам. С этим я стал уходить, ступая по редким остаткам старинной мостовой. Дойдя до небольшой возвышенности, выступающей неприметным холмом, обнаружил выложенные булыжниками три неприметных концентрические круга, которые мы с Лиличкой обнаружили еще весной, и о которых я забыл. Я, как и в прошлый раз с интересом стал рассматривать это сооружение, почти не заметное для гуляющих туристов. На первый взгляд, что бросается в глаза это то, что очевидно кто-то оградил место для костра и от пепла и разного наносного мусора круги почти сравнялись с землей и стали не заметны. Но с другой стороны, больно уж камни выложены аккуратно и ровно. Любители шашлыков и романтических ночных посиделок под гитару у костра так не будут старательно выкладывать кольца. Явно место – это предназначено для какого-то мистического ритуального действия. Поклонению огню, например, когда разжигают в определенном месте костер, а потом прыгают через огонь. Считается, что при этом сжигаются все грехи, очищая огнем прыгающего человека через ритуальный костер в ночь языческого праздника Ивана Купала, некогда зародившегося в Древней Руси. С другой стороны, а если замок Киевского князя стоял на вершине остатков какого-то мегалитического сооружения, и по его приказу умело, засыпан вязкой глиной так, чтобы крутые склоны стали прочнее и не преступнее для врагов. А внутри, под замком, соорудить вспомогательные помещения и тайники, и подземные ходы, а может, там уже все это было.

Я строил догадки и не заметил, как уже стою в центр круга. Остановился там, огляделся вокруг и замер от неожиданности. В мгновение все изменилось, небо укрылось густыми свинцовыми тучами, и пошел холодный проливной дождь. Вода лилась с неба как из ведра, порывы ветра рвали жалкие остатки осенней листвы на деревьях. Порыв мокрого хлесткого ветра больно хлестал меня по щекам и вытолкнул из кругов. Я поневоле протер глаза. Светило солнце, мирно шелестели желто-оранжевые листья на клене, что рос неподалеку. Я вытер мокрое лицо правой рукой, расправил слипшиеся волосы на голове и машинально взглянул на часы. Стрелки наручных часов показывали ровно 17—30. Надо спешить, пока дойду до метро, будет около шести вечера. Я, конечно, еще ничего не смог осознать, что произошло, поэтому даже не успел потерять чувство реальности. И только успел перевести дух, как до меня стало доходить событие происшедшего приключения. Я со смешанными чувствами, хлюпая туфлями полными дождевой воды, брел поляной к пешеходной лестнице, все, ускоряя и ускоряя шаг. И только на ступенях, опираясь на поручень смотровой площадки, стал снимать туфли по очереди, выкручивая мокрые носки. Брюки рабочего костюма, прилипали к ногам при ходьбе, и кожа на ногах стала раздражаться неприятно, зудеть тело. Домой я приехал вовремя, с порога меня встретила жена:

– Ты где целый час пропадал, а? В пятницу у тебя работа заканчивается в пять часов.

– Блин, я забыл. Забыл и просидел там до шести.

– А, что твой Любченко, тоже сидел до шести?

– Его послали в командировку, и все сразу разбежались пораньше.

– Ты чего такой мокрый? – заметила Лилия. – Дождя вроде нет. – Подозрительно осматривая меня, остановилась, ожидая ответа. Затем, спохватившись, воскликнула:

– Бегом в ванную. Немедленно прими горячий душ и как следует, согрейся. Потом расскажешь, где ты облился водой?

Я побрел в ванную, сбросил в таз мокрое, и хорошо вымылся под теплым душем.

И уже позже, так и не смог ей внятно объяснить, что произошло со мной и где, и почему, я промок до нитки под дождем...

Глава третья

В понедельник, как обычно, я пришел на работу к 9-ти утра. В отделе у своего рабочего места стоял Исай с Тамарой Петровной. Лица их были напряжены и не веселы, как обычно это бывает. Поздоровавшись, я проследовал к своему рабочему месту.

– Валентин Альбертович, подойдите сюда на минутку. – Тоном, не сулящим ничего хорошего, поздравал меня Александр Васильевич.

– Что? – спросил я, приблизившись поближе.

– Вас видел начальник кадров, когда Вы выходили с завода на обед и не вернулись, было?

– Он меня не мог видеть. – Сказал я, глядя в пугливые глаза Тамары Петровны. На что Петровна ответила:

– Валентин, не надо на меня так смотреть. Просто Владимир Андреевич, так из своего кабинета наблюдает за сотрудниками. Его не видно, а он видит всех.

Я мгновенно понял, что обманом, устраивался на работу и этим нажил себе врага номер один в лице начальника отдела кадров. И, чтобы разрядить обстановку, спросил: – А когда он уходит в отпуск? – на что Исай ответил: – Он трудоголик, и всегда предпочитает отпуск зимой, под новый год.

– Да, не повезло мне.

– И не только Вам. – Сказал угрожающим тоном Исай. – За такие нарушения лишают прогрессивки не только Вас, а весь отдел. – Он умолк и хмуро уставился в одну точку. Я посмотрел в сторону его взгляда. На чертежной доске кульмана, куда смотрел Исай, мне показалось, что там стала выделяться струйка дыма, как от сфокусированного лупой солнечного зайчика. А вездесущая Тамара Петровна, глухим голосом, вдруг сказала, глядя увлажненными глазами на Александра Васильевича:

– Саша, может что-то можно сделать, первый раз все-таки?

– Да я поговорю со Щекиным, Владимир Андреевич мужик неплохой на первый раз может и пройдет. – На этом мы разошлись по рабочим местам, и в нашей группе воцарилась напряженная тишина, слышалось нервное шелестение чертежной бумаги да хлопанье перелистываемых папок с чертежами. Вскоре, Тамара Петровна улетела в цеха, за ней вышел и Александр Васильевич. А у меня досадой снова свело горло, комом подступило к небу недоброе предчувствие беды. Все-таки обидно начало карьеры омрачать выговорами, якобы во всех бедах коллектива виноват кто-то один, и этим человеком оказался я. Мне стало невыносимо сидеть в этом помещении, слышать сопение коллег по труду и ловить их косые взгляды. И даже две студентки стажерки политехнического института, приписанные в наш отдел отбывать положенную практику, стали шушукаться, поглядывая настороженно на меня. Хорошо, хоть Любченко Александра Владимировича не было, Ну и Гольде Александра Аскольдовича с ним.

Совершенно выбитый из рабочей колеи, я не мог находиться больше в этом помещении и дышать с запахом аммиака воздухом, от свежих копий чертежей, аккуратно уложенных в чертежные папки. Что же делать, в этой, совершенно идиотской ситуации, я не знал, а надо бы вырваться на свежий воздух и обдумать спокойно свое поведение среди этих людей, окрысившихся на меня. Спасительная мысль пришла неожиданно и как-то сразу подвинула к действию: – «Да скажи этим доброжелателям, что тебе надо к зубному врачу, что зуб болит». Ухватившись за спасительные мысли подсказку, я в нетерпении начал поджидать Исая. И как по наитию он влетел в отдел, со словами:

– Папку забыл с чертежами.

Не давая ему опомниться, я быстро подбежал к нему: – Александр Васильевич!

– Да, да, я Вас внимательно слушаю?

– Мне бы к врачу.

– Что-то срочное?

– Да. Я хотел отпроситься с утра, да из-за нашей пятиминутки вылетело из головы.

– Да я тоже от неожиданности даже папку забыл.

– Я промучился два выходных, думал сам пройдет, а не тут-то было. Да я и в пятницу твердо решил к врачу с этим зубом, но, честно сказать, побоялся. Так что?

– Ну, вот так хорошо, отпросился бы и никаких разговоров. Зайди в кадры, возьми увольнительную. Только вот, что, не попадайся на глаза Щекину. Там есть Зинаида Максимовна, она выпишет увольнительную и подпишет за него, а я подпишу. Ну, давай иди, а то зуб заболит еще сильнее. – От этих слов у нашего Саши глаза заискрились от улыбки.

– А, где Вас найти?

– Послушай, Валентин, я еще не старый, давай на «ТЫ», а то мне, как-то неловко с тобой разговаривать, это у нас Любченко только всем «ВЫ» говорит.

– Да хорошо. Ну, так я пошел. А потом к тебе на подпись.

– Да, давай иди. Знаешь, где наша поликлиника? Сегодня там как раз стоматолог принимает.

– У меня теща в институте стоматологии, что напротив Бессарабского рынка, врачом стоматологом работает. Ждет меня уже.

– Ну, иди. – Он сунул папку с чертежами под мышку и выбежал за дверь. А я со вздохом облегчения, вышел через кабину номер шесть. На вопрос дежурившей там вахтерши, – Куда идете? – ответил, что иду за увольнительной. Процедура эта заняла у меня не больше десяти минут. И еще через пять минут я с видом победителя вручил увольнительную охраннику в кабине номер шесть. Тот долго рассматривал бумажку с подписями, я не выдержал, съязвил-таки: – Подписи все подлинные, что не так?

– Тут должна стоять подпись начальника отдела кадров.

– Но там подписано Зинаидой Максимовной, у нее есть официальное право утвержденное руководством завода и секретной частью. – Не сдавался я. Охранник тупо уставился на меня своими злыми маленькими глазками, и неспешно не сводя своих мышинных глазок, медленно продел бумажку на торчащий штырь, на котором уже болталась стопка увольнительных пропусков.

– Проходите! – пробурчал он, нажимая на педаль стопора вращающейся крестовины. Я, как на взведенных пружинах выскочил на свежий воздух за проходную завода и столкнулся с Исаем.

– Александр Васильевич, а откуда это ты?

– Я был в кадрах. Считаю, вопрос о твоей самоволке снят. Ну, там есть отдельный ход со второго этажа. Так, что все в порядке. – С улыбкой, ободряюще смотрел на меня мой руководитель группы.

– Ну, до завтра.

– Да, пятница и сегодняшний день не будут табулироваться.

– Понятно, что я не получу ни копейки за эти дни. – Но Исаея уже не было рядом. С чертежами под мышкой он стоял на ступенях крыльца проходной и разговаривал с военным в форме военно-морского флота СССР.

Оставшись, наконец, с самим собой, я медленно побрел пешком вдоль трамвайных путей в сторону Красной площади. Там возле памятника Украинскому философу Григорию Сковороде, я уселся на деревянной скамейке и стал размышлять о своем теперешнем положении в специальном конструкторском отделе завода «Электроприбор». Мимо проезжали маршрутки, некоторые останавливались возле скамейки, на которой я сидел. Наконец до меня дошло, что я нахожусь на стоянке маршрутного такси. Пришлось, приподнялся и двинулся в направлении Андреевского спуска. Следуя вдоль сувенирных рядов, я не заметил, как поднимаюсь уже знакомой лестницей в направлении вершины Замковой Горы. Ноги, словно сами

собой двигались в этом направлении, и, что самое удивительное я не чувствовал никакой усталости. И всей виной этому была непередаваемая жажда не изведенного чуда. Мне хотелось вновь ощутить странную перемену погоды, и я направился прямо к этим магическим кругам, сам не зная почему. Волнение наполняло мои чувства. Особенно хотелось почувствовать себя исследователем неопознанного явления природы, о котором нельзя сказать даже самым близким людям, чтобы не сочли тебя не совсем в адекватном расположении духа. Но сегодняшний разговор в отделе сказался неприятной метаморфозой так, что мне хотелось вообще послать все на свете и окунуться во что-то не предсказуемое, чтобы раз и навсегда покончить с пережитыми минутами унижения содеянным проступком. Более не колеблясь, я взглянул на свои наручные часы, чтобы не опоздать домой, и не выдать того, что меня не было весь день на заводе. Часы показывали ровно одиннадцать ноль-ноль и надпись дня «среда», конечно же, одна тысяча девятьсот восемьдесят первого года. Определив время, я смело ступил в центр кругов. Мгновенно все вокруг изменилось. Деревья и кусты, почему-то стали в два раза меньше. Некоторых деревьев не было вообще ни на своем месте, ни рядом. Было много пространства и света, и было прохладно. А на ветках кустов и близких деревьев листва не наблюдалась. Ветра не ощущалось, солнце светило приятным теплом, но не грело. Поежившись от холода, я ступил обратно из кругов, на место где только что стоял в изумлении ничего не происходило. Пейзаж, который только что в мгновение ока изменился, стоял неизменным. Я похолодел от страха. Многократно прыгая в центр кругов, и обратно я пытался вернуться в свою реальность, но все напрасно. Мои манипуляции ни к чему не приводили. Отчаявшись, я понял, что произошло. Меня нет в моем измерении, я в другой реальности. Я стал лихорадочно соображать, что это могло значить. На мысль приходили отчаянные примеры потерявшихся людей в пещерах, исчезновение целых экипажей судов в открытом море, и даже вспомнился поезд призрака, исчезнувший в начале девятнадцатого века в итальянском туннеле с пассажирами. Постепенно я стал приходить в себя, борясь с отчаянием своего глупого поступка. Затем стал логически сопоставлять факты, пытаюсь в памяти отыскать более конструктивный подход к случившемуся. В этом новом измерении я обнаружил пень срезанного дерева и присел на него. Тело сразу ощутило холодное прикосновение, но мне уже было все равно, я перестал ощущать холод. Раздумывая над своим возвращением, я все же не мог поверить, что это случилось именно со мной. Посидев еще немного, сделал последнюю попытку. С закрытыми глазами вошел в центр и осторожно открыл глаза, медленно поднимая ресницы. Все оставалось на месте, ничего не меняясь. Пришлось вернуться на пень. Холод и отчаяние постепенно покинуло меня, на смену появилось холодное и трезвое мышление факта произошедшего. Я стал рассуждать более хладнокровно. Итак, если это явление существует, значит, оно существует де факто. Значит тот, кто попал в эту реальность, тот из нее и вышел, иначе не было бы отмечено это гиблое место, аж тремя кругами. Но, что означают три круга. В моем случае это может означать, только то, что первый раз я вошел, и смог немедленно выйти. И это обозначено внешним кругом. Второй круг, средний, означает то, что второй раз человек застрянет в чужой реальности надолго. А что значит средний круг, по всей видимости, то, что этот феномен существует и, что существует именно в этом месте. Человек, столкнувшийся с этим явлением, как бы оставил зашифрованное послание, своему визави по несчастью, что не отчаивайся, что ты можешь вернуться и вернуться в определенное время. Вчера! Нет в пятницу, меня вытолкнуло, обратно в мою реальность. Значит, в пятницу я могу вернуться и вернуться только через год. Что же делать? Надо год, где-то прожить, что-то есть, и пить, что-то делать. Боже ж мой, вот это да, вот так влип. Кому рассказать никто не поверит, сочтут не в своем уме. Ладно, факт случился и решение принято. Надо выжить в новой реальности, не потеряться и контролировать ситуацию. Ведь я в Киеве, кругом должны быть люди, главное определится с здешней реальностью, ну хотя бы узнать какой сейчас год, и что тут происходит? И оставаться в тени и не привлекать

внимания к себе. Итак, начну адаптироваться, чтобы добраться до моего часа возвращения, который наступит в пятницу следующего года в конце сентября 25 числа.

Успокоив себя этой возможностью возврата в свою реальность, я уже спокойнее решил двинуться на разведку чужой реальности. Пройдя по мокрой сухой траве к предполагаемой туристической лестнице, с ужасом обнаружил сплошные заросли кустарника, сквозь голые ветки, которого, просматривался крутой обрыв, ниспадавший прямо к домикам на Андреевском спуске. В отчаянии, взглянул на Андреевскую церковь, которая с высоты Замковой Горы хорошо была видна и по-прежнему стояла маяком на своем законном месте, куда ее в свое время водрузил знаменитый архитектор Растрелли. От этого на душе стало немного легче, и я повинуюсь инстинкту самосохранения, просто механически, почти ничего уже не понимая, ринулся, как заблудший корабль в океане, на свет этого маяка бредущей в дали надежды.

Дойдя до края вершины, я нашел протоптанную тропинку, ведущей под гору, которая терялась далее в направлении церкви. По тропинке стал быстро спускаться с Горы, впереди была еще одна возвышенность, не такая большая, как замковая гора. Пройдя ее, я спустился на мостовую Андреевского спуска. Здесь не было ни торговцев сувенирами, ни рядов художников со своими творениями. Старые обветшалые домики лепились друг к дружке. У некоторых

Стены были облуплены, от них веяло затхлостью подвалов и чудовищной бедностью. Мимо меня проходили люди, одетые в старые, выдавшие виды одежды и с любопытством рассматривали мой рабочий костюм, состоящий из суконной куртки цвета выгоревшей на солнце травы, промокшие туфли, белую рубашку с черным воротником и галстук в крапинку, подаренный мне на день рождения женой. Я решил не концентрировать внимание на этих взглядах прохожих и двигался дальше к церкви. У ступенек увидел киоск «Союзпечать». Подошел поближе, заглянул в окошко киоска. На меня смотрело лицо продавца с крупным носом и острыми серыми глазами, как бы спрашивая, что Вас интересует, молодой человек. Я с любопытством стал рассматривать витрину с выставленными журналами, «Крокодил», «Юный техник», «Советский спорт» и другие печатные издания. Киоскер не выдержал паузы первым, спросил меня:

– Вы наверно командировочный, молодой человек? – услышав голос, я обрадовался человеческой речи, и, сдерживая эмоции и волнение, спросил, в свою очередь:

– А можно узнать журнал «Здоровье» у Вас имеется?

– Конечно, мы продаем, но его мало в киоски попадает, лучше выписать, всего рубль пятьдесят на год. – Но меня мучил один единственный вопрос, какой сейчас год, день, и месяц? И я стал спрашивать еще, наугад: – Сейчас сентябрь, тридцатое, а на следующий месяц, октябрь, я могу выписать? – Стал внимательно наблюдать реакцию киоскера, но тот и глазом не моргнул, значит, с месяцем и числом было все в порядке, а вот, что касается года? Но киоскер сам подсказал мне год.

– Знаете, на пятьдесят третий, лучше выписать сразу, вот за месяц до конца пятьдесят второго, можно уже выписывать, а то может получиться, что и не хватит. Этот журнал самый популярный у нас в Киеве.

– Эй, ты, что там застрял?! – услышал я за спиной грубый голос. – Ты берешь или не берешь?

– Что на командировочного бросаетесь! – прикрикнул на мужчину киоскер.

– Да, ладно Вам, на фронтовика пургу нести, с Вашим командировочным ничего не случится. Дайте-ка лучше журнал «Советский спорт». Посмотрю, как там «Динамо» со «Спартаком» сыграли?

Но я их уже не слушал. Мне было ясно, что на дворе одна тысяча девятьсот пятьдесят второй год, тридцатое сентября, а в календаре, что висел в витрине киоска, я увидел, что сегодня вторник.

Глава четвертая

Надо было что-то решать. День неуклонно двигался к концу. Становилось холодно, и нет никакого желания быть за решеткой. Но это касалось молодых и здоровых, так как в то, далекое время, из Киева вывозили бездомных куда подальше, устраивая их на работы, после выяснения личности. У меня, кроме красного пропуска на завод «Электроприбор» никаких документов не было. Поэтому самый надежный вариант был один и налицо, прикинутая нищим старцем и выйти из города в село. Я вспоминал свое детство, стараясь припомнить себя в этом возрасте и всех, кто приходил к нам за подаянием. Бог ты мой, конечно был один нищий, он жил в нашем селе, и моя бабушка его жалела и кормила иногда. Я даже догадывался где-то в подсознании, кто это был. Ну конечно это был я. Поскольку мне в пятьдесят втором было шесть лет я, конечно, не мог нищего и старого себя рассмотреть более подробно. Помню, только, что у меня была длинная седая борода и седые волосы. Ничего удивительного, после пережитого броска в прошлое можно окончательно поседеть. А моя борода быстро отрастет, и к весне, и к лету я точно буду с длинной бородой и седыми волосами. Я еще припоминал, что нищего звали Дорош. В те времена на нищих старцев не обращали особого внимания. Они сидели возле церкви, прося подаяния, и власти обходили их стороной, потому, что «Божий» человек вреда никакого не представлял для Советской Власти и был под защитой духовенства. Также, нищенствующему старику при церкви, давали поесть в трапезной для нищих. Можно было поесть и согреться. Итак, надо было преобразиться в нищего, это был единственный залог того, что через год я доберусь до этого Временного Портала и вернусь в свою реальность. Как же быть с этим преобразованием. Надо найти палку. И палку необычной формы, чтобы было видно, что это Старец, под тяжестью своих лет ему трудно ходить, и он вынужден опираться о клюку. Самое главное найти простую и непритязательную одежду. На базарной свалке можно раздобыть выброшенные мешки от фуража. Как раз в 1952 году действовал Житный базар, где продавался фураж, сено, лошадиная сбруя, овес и разные хозяйственные принадлежности. Там же можно договориться доехать до моего родного села Шнитьки, Киево-Святошинского района. В селе действовала церковь, точная копия Владимирского Собора Киева. До революции в Шнитьках была резиденция знаменитого сахарозаводчика Терещенко, он же и вложил деньги в строительство церкви. Дьякон, Феодосий Кузьмович, пел в церковном хоре и по совместительству работал колхозным пасечником. И я часто бегал к нему откусывать меда. Он щедро давал мне свежий мед, и мы с ним беседовали. Конечно, я там и я буду вот в таком виде Старца, иначе не выжить мне в этой реальности в этот 1952 – 53 год. Пока еще не вечер, я решил начать преобразование свое из Сенного базара, что на Подоле. Как было, кстати, что я случайно не вынул из кармана своих брюк объемный полиэтиленовый кулек, носивший его на всякий случай для продовольственных пайков, которые давали нам за вычет из заработной платы. В этот кулек я спрячу свою одежду, где-нибудь на Замковой горе, чтобы в назначенный срок переодеться и вернуться через этот Портал в свое время.

На Сенном базаре торговцы потихоньку уже сворачивались. Некоторые на подводах уезжали, продав свой товар. Вглядевшись внимательней в подводу, состоящую из двух лошадок, телеги с набросанной соломой и пустых корзин, а что самое главное ездовой мужчина, как будто вышел из тех далеких детских воспоминаний. Да это был все тот же дядя Ваня, которого я знал в раннем детстве, муж моей родной тети Гани. Я потерял голову от этого, мне захотелось броситься к нему, сказать, кто я такой, и рассказать все, что произошло со мной. Но трезвый рассудок подсказывал не делать опрометчивых действий. Чтобы, как-то прийти в себя, и принять обдуманное решение, я схватился за галстук и стал снимать его, резкими нервными движениями. Справившись с этим, сложил и спрятал галстук во внутренний карман куртки, не переставая наблюдать за подводой. К ездовому подошла женщина, с девочкой подростком у каждой в руке были корзины с покупками. Скупились на вырученные от продаж своих товаров деньги, купили разных вкусностей, и сейчас уедут. Я в женщине узнал тетю Маню с дочкой Олей или по-простому ее называли Леся. И тут спасительная мысль пришла мне как по наитию, а что, если мне прикинуться племянником брата моей бабушки. Тем более, что моя бабушка Срибная Евгения Лаврентьевна давно не гостила в своем родном городе Переяслав-Хмельницком. Вооружившись этим решением, я ринулся к телеге дяди Вани.

– Здравствуйтесь, добрые люди! – приблизившись к телеге, осторожно проговорил я, дожидаясь ответа. Леська, недружелюбно и настороженно посмотрела на меня, проворчав на вылезавшего в телегу дядю Ваню: – Да поехали уже! – Тетя Маня прикрикнула на дочь: – Замолчи, тебя не спрашивают. Узнаем, что нужно молодому человеку. – Приняв этот знак предложение, высказаться, что мне нужно, я приступил к изложению своей легенды.

– Мне люди сказали, что вы из Шпитек. А мой дядя, Григорий Лаврентьевич, попросил заехать к моей тете Евгении Лаврентьевне и узнать, как она в Шпитьках там живет. Как ее здоровье, ну и всего понемножку разузнать. И еще спросить, когда она собирается приехать в гости к брату? – все это я высказал, стараясь не торопиться, скрывая волнение и неприветливость дочки тети Мани.

– Да мы и так можем рассказать вам про нашу бабушку. На что в Шпитьки ехать? – снова вмешалась Леська. Меня передернуло от этих слов. Я, как мог, сдерживал себя, чтобы не выдать своего негодования, терпеливо ожидая ответа тети Мани.

– Евгения Лаврентьевна будет очень рада встретить Вас. Это Вы специально приехали в гости к моей матери?

– Нет. Я прибыл в командировку на завод «Электроприбор» из Переяслав-Хмельницкого.

– А надолго к нам?

– Нет, на три дня всего. В субботу уезжаю.

– А на чем вы поедете? – не унималась тетя Маня.

– Конечно на поезда. Сколько туда ехать то. – Неожиданно в наш разговор вмешался дядя Ваня: – Так Вы едете, или нет?

– Конечно, еду.

– Так залезайте скорее на воз, а то пока доберемся, то темно будет.

Я в мгновение ока вскочил на подводу, необычно вкусно пахнущей свежескошенной соломой и в это мгновение почувствовал такое умиротворение, и такой покой, после пережитых треволнений, что про все на свете забыл. Глаза сами стали закрываться под мерно покачивающуюся ходьбу лошадок и дребезг колес телеги. Меня разбудил лишь оклик дяди Вани:

– Вы прилягте, а то упадешь под колеса, еще покалечишься. – Я не стал спорить, а просто растянулся на соломе и провалился в небытие. Только услышал голос тети Мани, которая сказала, – Наверно не спал ночью в поезде? – кому она сказала эти слова я не знал уже, сон сморил меня и только громко:

– Тпру-р-у-у! – прозвучало у меня над ухом. Я вздрогнул от неожиданности, открывая глаза. Телега уже стояла у ворот нашего дома, выкрашенных в темно-красный цвет. Вечерняя

заря уже была в разгаре, я сбросил с себя овчинный кожух, которым меня укрыла тетя Маня и выскочил из телеги на землю.

Делая вид, что не знаю, что это за дом, спросил: – Так, что приехали? Это здесь проживает моя тетя Евгения?

– А, что дядя Григорий не показывал фотографию ворот, или, что?

– Да показывал.

– Ну, так, что, похоже? – спросила тетя Маня. – На гостинец тете Евгении передай, скажи, что это мы тебя привезли с базара.

– А у тебя документы есть? – спросил дядя Ваня, хитро прищурившись, улыбаясь мне в глаза. Я, молча, достал пропуск сунул ему под нос. – Ты смотри и фотография, и печать с гербом, Оли покажешь, а то она у нас власть.

Я взял узелок с двумя французскими булочками от тети Мани и пошел знакомой дорожкой, усаженной кустиками оранжевых Чернобрицев к такому знакомому деревянному коридору.

Дверь уже была заперта. Я постучал. Дверь скрипнула и коридоре зашаркали шаги моей бабушки, до боли знакомые шаги и ее голос:

– А кто там такой?

– Это Ваш племянник от Вашего брата Григория из Переяслав-Хмельницкого.

– От Григория? – бабушка открыла двери, и ее морщинистое лицо расплылось в улыбке. – Володя, это ж тебя Володя звать?

– Да, – подтвердил я и добавил, – я в командировку на три дня. В субботу в Переяслав-Хмельницкий поездом.

– Ну, заходи, поживешь у нас. А когда будешь уезжать, передашь письмо Грише.

– Спасибо тетя Женя, я ж так и передам Вашему брату, Он еще просил узнать, когда Вы приедете его навестить?

– Ну, об этом мы с ним договоримся. Пусть пишет чаще. А у тебя вещей нет, один узелок.

Я сказал, что вещи все в ведомственной гостинице, там и билет на поезд. Я приехал еще в пятницу. В понедельник передал документы, специально попросил, чтобы мне дали больше дней, чтобы с Вами увидится. Вот я и здесь.

– Ну, входи, входи. Ужинать будем сейчас.

Я с трепетом, вошел в до боли родной коридор с мешками зернового корма для курей и свиньи в хлеву. Поневоле посмотрел вверх к потолку, да так и есть, там громоздилось ласточкино гнездо. А за дверью напротив входа в коридор, была небольшая кладовая, приспособленная под курятник. Все рационально и удобно, но, что говорить о санитарии, антисанитария конечно на лицо, зато все натурально и без лишнего пафоса. Мы вошли в обширную комнату, обустроенную под кухню. Почти посередине комнаты стояла печь. Это было великолепное сооружение. Бабушка в печи по утрам разжигала огонь и ставила вариться в глиняных горшках еду. Ах, какое чудесное жаркое получалось в этой посуде, с пикантным привкусом дымка, жаркое таяло во рту, вызывая ароматный привкус лаврового листа, перца горошком и сочного зажаренного свиного ребрышка. Справа от входа под окном стоял все тот же кухонный стол, который годился и для семейного обеда, и для разделки свиной туши, да и я на нем делал уроки, когда учился в школе. Подумать страшно, что нет в моей реальности, нет уже этого дома с его достатком, да и людей, живших в нем. Сердце, сжалось до боли, когда я увидел свою мать. Еще совсем молодую и себя самого, шестилетнего мальчугана, вышедшего поглядеть на меня. В эту минуту, как мне хотелось указать самому себе на ошибки, которые предстоит совершить этому мальчишке. Как мне хотелось уберечь его от невзгод и лишений, вознаградить его, исключением совершенных мною роковых действий. Но, это все мечты. Стоит мне заикнуться об этом, как тут же обвинят в мошенничестве и засадят за решетку, для выполнения бесплатного труда в какой ни будь колонии строгого режима, в части решений Комму-

нистической Партии Советского Союза в борьбе за Светлое будущее. И, что оставалось мне, как не порыться в своей памяти, чтобы припомнить, как отреагировал этот мальчик, то есть, я отреагировал на себя самого. Мне припомнился появление племянника дедушки Григория, и как я тосковал после его отъезда. Мне страшно не хватало мужской отцовской ласки, а этот гость, проявил ко мне столько внимания и заботы, что очень сильно врезалось в память, и помогало мне преодолевать колкости других людей, указывая на то, что не все люди плохие есть и хорошие, ради которых стоит жить и бороться.

Моя мать и я сели за стол у окна, а бабушка суетилась у печи, доставая горшки с теплым жарким. Мать достала глубокие тарелки из серванта, который стоял слева от двери, подала бабушке, сама ушла в спальню и вынесла оттуда бутылку с прозрачной, как слеза жидкостью, водрузила бутылку на стол, сказала коротко: – Первач.

Мальчик уселся на стул рядом и получил порцию жаркого с мясом, и тут же сказал:

– Бабушка, я сало кушать не буду. – На что бабушка ответила, – Не будешь, так не будешь.

– Вот ел бы сало, то и был бы крепкий, а не худой, как щепка. – Сказала наша мать, нам, и стала разливать водку в рюмки. Наполнив, сказала:

– Ну, давай, Владимир, выпьем за знакомство, и чтобы нам жилось и было.

– Расскажи, что там делает твой дядя Григорий? Чем занимается?

– Голубей гоняет по утрам. – Ответил я.

– Все такой же голубятник, как в детстве. – Не выдержала бабушка

– Так что, кроме голубей, у него больше никакого занятия? – наливая вторую рюмку первача, спросила мать.

– Ну, почему, – опрокидывая рюмку, – отвечал я. – В первых он просил передать тете Жене, чтобы в письме она прислала ему мерку ноги Валика. И когда тетя Женя придет к нему в гости, уже будут готовы сапоги для Валика, которые он сошьет.

– Да, он хороший мастер, золотые руки. Он мне и нам всем шил сапожки и туфельки, очень красивые. Все девчата на нашей улице завидовали. Бывало, я заплету косу и выйду с девчатами прогуляться вечером к речке. Да как запоем песни, то все парни к нам сбегались на посиделки. Вот так!

– Ну, хорошо. – Подвела черту мать. – Я пойду на диване постелю Коле, а то завтра рано вставать. А, ты, Владимир, если хочешь, можешь выйти покурить. И вообще, когда захочешь, можешь ложиться спать. – Указав на просторный диван в ее спальне у одежного шкафа, сказала мать, добавив. – Дверь будет открыта, мы спим с открытой дверью. – С этими словами ушла стелить мне постель.

В эти минуты я пребывал, как во сне. Мне не верилось, что это происходит все наяву, не во сне, не в кино, а наяву. Чудно. Метаморфозы континуума, в котором мы живем, и будем жить. Воспользовавшись предложением матери, я вышел на двор. Погулять в сумерках во дворе. Осмотрел хлев, в котором стояла наша корова Зорька, и спала в загородке свинья. Сходил в уборную, что стояла за хлевом, и вспомнил, как тетя Маня по просьбе бабушки молотила кули хлеба битой прицепленной на палку-держалку сыромятным ремешком. А я по нечаянности из любопытства подлез и получил в лоб. Но пора было идти в дом, ложиться спать...

Это осеннее утро выдалось теплым и солнечным. Мать уже была на работе. Бабушка копошилась у печи. Я вышел из спальни и стал умываться в помойное ведро, как это делал неоднократно в свое время здесь. Набирал из кружки питьевой воды в рот и из рта поливал на ладони. Мылил руки затем, повторял процедуру, смывая мыльную пену с рук. Умывшись, вытерся махровым полотенцем. Бабушка пригласила за стол меня и малыша. Я, чтобы поддержать разговор, спросил: – А картошку выкопали уже?

– Давно выкопали. Нам Нюся помогала и дети. – Она имела виду своих детей, и наших с Валиком теток.

– Тетя, не будете против, чтобы я с Валиком в парк сходил?

– Сходите, а я пока кушать приготовлю.

Малыш очень обрадовался и прихватил с собой мяч. Я взял его за руку, и мы вышли за ворота. Там у аллеи старинных лип, посаженных еще со времен сахарозаводчика Терещенко, мы наблюдали путь муравьев. Как эти труженики, двигаясь один за другим, тащили на себе, кто кусочек стебля травы, кто малюсенький листик, а кто обломочек черного крылышка жука. Я, гуляя с моей маленькой шестилетней копией парком, рассказывал ему разные истории, в которых героями были смелые и мужественные путешественники, побеждающие невзгоды, встречающиеся на их пути. Я чувствовал, как было интересно мальчику со мной, а что больше всех беспокоило меня, это то, что я никак не могу рассказать малышу, что его ждет в будущем. Но я хотел это сделать во что бы то ни стало и не мог. Не мог потому, что малыш тут же расскажет матери, а та обязательно сообщит обо мне в сельсовет Здоренко, председателю. И я решил хитро построить свой диалог. Ведь у меня в запасе было еще два дня.

На следующий день пришла двоюродная сестра Нюська. Ей было уже шестнадцать лет, и она считалась старшей сестрой Валика, хоть я знал, что это не так. И, что малыш ее терпеть не мог за ее вредный и не уживчивый характер. Мы с малышом постарались убежать в парк. Там я рассказал ему историю об одном мальчишке, который в свои двенадцать лет помог спасти двух пилотов неопознанного летающего объекта, или иными словами, космического корабля. И за это, спасенные космонавты, наградили мальчишку уникальными способностями и еще исполнили три его самые, самые важные желания.

– А вот если в твоей жизни произойдет такое событие, что ты будешь просить?

Малыш, насупился, долго думал, потом сказал:

– Хочу жить вечно, и никогда не умереть.

– А еще?

– Хочу много друзей.

– А еще?

– Хочу помогать другим людям, чтобы не болели и жили вечно.

– Валик, когда у тебя будет в жизни это событие, попроси много денег, чтобы ты смог помогать людям. Без денег ничего невозможно сделать, даже собаке помочь.

– А, что у меня будет это?

– Все может быть, ну, на всякий случай ты имей это в виду, хорошо?

– Да, хорошо. – Малыш притих и углубился в размышления. Затем вдруг серьезно спросил:

– А когда это произойдет.

– Я не знаю. Я просто сказал тебе на всякий случай, чтобы в жизни ты принимал правильные решения. – Мальчик снова серьезно посмотрел на меня и сказал: – Дядя Володя, я буду принимать правильные решения.

– Вот и правильно, молодец. – Ободренный похвалой, малыш просиял радостной улыбкой. А я стал говорить ему еще один случай из его будущего:

– Ну, еще, когда тебе будет десять лет, никогда не тяни жеребенка дяди Вани за хвост. Потому, что жеребенок ударит тебя в лоб. Нельзя лошадей таскать за хвосты. Обещай мне это.

Малыш снова серьезно посмотрел на меня, потом спросил:

– Вы, дядя Володя потянули жеребенка, и он вас стукнул копытом в лоб?

– Да. – И я показал ему шрам с правой стороны лба. Малыш беззлобно рассмеялся, сказав, что он не такой дурак, чтобы таскать коней за хвосты.

– А драться ты умеешь? – спросил я его.

– А, что?

– А то, что когда сын дяди Вани придет к тебе и начнет тебя дразнить обидными словами, лучше не отвечай ему.

– Почему? Я ему как дам?

– Нет, не надо. Ты мальчик сильнее его, но он может ударить тебя ветвистой палкой из яблони и проломит тебе череп. Послушай, меня не заводись с ним. Обещай мне, хорошо? Чтобы он не говорил.

– Хорошо, я не буду отвечать ему.

– Правильно. Если ты запомнишь и сделаешь все, что я тебе сказал, ты будешь сильный, здоровый и с деньгами.

Мальш уверенно выпятил грудь, как будто он уже взрослый и уверенным голосом сказал:

– Дядя Володя, не уезжайте от нас, пожалуйста. – Стал хныкать. Я достал носовой платок, высморкал ему нос и вытер слезы, подбодрив мальчика словами: – Ну, ну, ты же мужчина. А мужчины не плачут. – Я смотрел на него, а у самого меня кошки скребли по душе, так мне было его жаль. Жаль было и себя. Что я буду делать весь год, как жить? И вообще, выживу ли я? Третий день я провел с Валиком в парке. Мы играли в футбол. Смотрели птиц, разных мастей, и я снова напомнил ему свои хитрые истории, чтобы он берег себя. Перед отъездом, бабушка вручила мне письмо к брату. На радость, мне, конверт был подписан. Мне ничего не оставалось, как бросить его в почтовый ящик в Киеве, когда я приеду в город. В субботу я проснулся рано утром. Бабушка дала мне на дорожку зажаренного в печке петушка, вареной картошки, хлеба и пирожков с маком, которые специально испекла к моему отъезду. Все это я водрузил в полиэтиленовый кулек, в котором жена давала мне обед на работу, на дно которого положил льняные мешки, завернутые в газету, благо никто ни бабушка, ни мать не обратили внимания на полиэтиленовое изделие из супермаркета «Сельпо», и мне не пришлось выдумывать бог знает, что, например, где я взял такое чудо для упаковки покупок?

Бабушка спрашивала меня лишь, зачем тебе мешки? Я сказал, что дядя Григорий заказал мне купить комбикорму для голубей и свиньи, а мешков днем с огнем не найдешь. И мне выделили три мешка, благо этого добра в колхозе «Большевик» было много. Конечно, мне уезжать из своего дома не хотелось. С чувством навеки безвозвратной потери, я возвращался в никуда...

Глава пятая

Солнце уже освещало своими лучами обильные росы на цветках Чернобrivцов, по обе стороны дорожки, по которой провожала меня бабушка к воротам. Тяжесть расставания давила камнем, прижимала к земле, ноги не хотели идти с этого райского места, но рассудок и реальность побеждали чувства, и я нехотя поплелся вдоль ветхого забора, огораживающего строительный ряд каштановых деревьев в нашем садике. Березка, еще не с толстым и высоким стволом, весело шелестела мне на прощание золотом листвы, каштаны устелили мне ковровой дорожкой своих листьев мой путь к дороге вымощенной булыжником, по которой я должен идти километров три к шоссе. На обочине шоссе стоял небольшой поселок с романтическим названием «Мечта», там останавливается маршрутный автобус до Киева. В 52-м году, жители села Шпитьки ездили этим автобусом на базар, а кто моложе и на работу в Киеве. Бабушка сунула мне на дорожку три рубля в карман, я был несказанно рад этому. Шагая по брусчатке вдоль тополей, высаженных по обе стороны моего пути, я прикидывал в уме, как быть дальше с чего начинать мою одиссею, и как жить в незнакомом и очень непростом времени 1952 года. Из истории я помнил, что этот год, полон репрессий. Особенно Сталин взялся за врачей. И целая компания велась, и шпиономания присутствовала повсеместно. Население стучало друг на друга, обвиняя в шпионаже любого человека, который что-то не так сказал или поиному одет, и в этом находили происки империализма и подрыва устоев Советского Союза. Так что не успеешь и глазом моргнуть, как можешь оказаться в местах не столь отдаленных. Прикинувшись немолчным старцем, можно избежать, этой участи. И прожить худо-бедно 1953 год, добраться до моего заветного возвращения в свое время.

С такими грустными мыслями я добрался до Мечты. На пыльной дороге, возле шоссе стояло человек шесть, в ожидании автобуса. Они с нескрываемым любопытством осматривали меня. Две полные женщины в белых платках и с корзинами груш, стали откровенно обсуждать мой внешний вид, рассматривая мои выглаженные брюки и куртку. Казалось, что моя белая рубашка производит неизгладимое впечатление на этих молодич. Автобус появился со стороны Бузовы, еще одного поселка, расположенного от Мечты на расстоянии трех километров. Конечно, он подобрал там пассажиров и был полон. Толкая друг друга, ждущие пассажиры, кое-как влезли в салон автобуса. У меня на правом плече оказалась ароматная корзина с грушами. Трясаясь на неровностях шоссе, автобус катил в направлении Киева. В Святошино, на конечной трамвайной остановке, трамваем №3 я доехал до Крещатика. Вышел на остановке «Бессарабский рынок». На центральной улице Киева тут и там велись ремонтные работы. Бессарабка принимала торговцев с окрестных сел. Там у крытого павильона стояли лошадиные повозки и крытые фуры, жизнь города била ключом. По центру Крещатика уже ходили троллейбусы, и я недолго думая вскочил в подошедший №20. На остановке «Главпочтамт» вышел и направился пешком проулком к Михайловской площади, откуда к Андреевскому спуску, рукой подать. Раз уж так случилось, что виной моего перемещения в прошлое стало это историческое место, вот я и решил вернуться и перевоплотиться там в Старца, живущего подаванием. В знакомом киоске решил купить газеты и прочитать о ситуации в стране и Киеве. Знакомый киоск «Союзпечать» за мое отсутствие никуда не перемещался, все так же стоял на своем месте. Киоскер сразу узнал меня.

– Ну как ваши дела? Скоро домой?

– Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех! – решил я ответить словами модной в то время песни.

– Так вы из России? – продолжал свое дознание любопытный киоскер.

– Я из Ленинграда. Здесь в командировке. – Я достал свой пропуск на завод и сунул ему под нос. Киоскер стал внимательно разглядывать мою фотографию, гербовую печать. И вдруг

его глаза, смотревшие поверх очков на меня, полезли из орбит. Он еще раз заглянул в развернутую книжечку, которую я, не выпуская из рук, держал перед его лицом.

– Что-то я не пойму, какая-то путаница в Вашем документе? – И тут до меня дошла эта жуткая оплошность, ведь я не придал, особого внимания на год выдачи, отмеченный в пропуске. Надо было что-то делать. Но киоскер почти шепотом стал говорить мне:

– Я тут давно работаю и мне всякого в жизни довелось понаблюдать, скажите, Вы точно из будущего? – посмотрел на его внимательные и серьезные глаза, ответил:

– Вот произошло со мной такое несчастье. Что мне делать я не знаю, пришел на работу на завод «Электроприбор», что на улице Глубочецкой 17, бац, и в пятьдесят втором году.

– Знаете, что, пойдете к нам. Расскажите все, как там в вашем времени. Что ожидается? Чего нам ждать, каких перемен?

– А Вы мне поможете. Мне надо выждать год, затем откроется это место, и я смогу вернуться домой в свою реальность.

– Я помогу вам. – С энтузиазмом заговорил киоскер. – Меня зовут Леонид Абрамович Сикорский.

– Вы случайно не родственник знаменитого конструктора вертолетов Сикорского?

– Тише, что Вы так громко говорите, конечно, это мой двоюродный брат. Вот он там, а я здесь мучаюсь. Я Вам помогу. Я вижу Вы образованный молодой человек сможете многое мне порассказать, что там у Вас в восемьдесят первом происходит, и что произошло уже. – Говоря эти слова, Леонид Абрамович, установил табличку, «закрыто», и закрыл на замок окошечко киоска. Потом выбежал из киоска и энергично стал закрывать металлическими листами витрину, которые висели на оконных завесах и были пригнаны к левой и правой стороне киоска. Вскоре на штанге, прикрывающей створки, повис увесистый амбарный замок.

– Я сейчас киоск запру на замок, и мы пойдём ко мне. Сарочка, это моя супруга, обещала приготовить щуку по ее особому рецепту, как она умеет, пальчики оближешь. Подождите еще чуть, чуть. – Он быстро побежал за киоск и стал там греметь замком, запирая киоск.

В это время меня кто-то легонько взял за локоть. Я обернулся и увидел знакомое лицо девушки. Ее черные как смоль глаза смотрели внимательно, серьезно и настороженно. Я видел ее черные волосы, собранные на затылке в длинный хвост и сразу вспомнил, где я мог видеть ее. В памяти возник тот злополучный случай, когда я решил подняться по лестнице на Замковую Гору, а эта девушка сошла вниз.

– Ничего не отвечай. Немедленно следуй за мной. – Сказав эти слова, она быстро стала уходить по Андреевскому спуску вниз. Я, когда увидел ее, затем услышал, понял, что она поможет мне, так как наверняка знает капризы Временного Портала. И не обращая никакого внимания на возгласы Леонида Абрамовича, я бросился за девушкой, лишь успел сказать Сикорскому: – Никому не рассказывайте обо мне, иначе Вас неправильно поймут окружающие. Прощайте Леонид Абрамович!

– Прощайте, молодой человек, не поминайте лихом. – Последние его слова я с трудом разобрал, так как мне сейчас не до него. Девушка явно двигалась в сторону возвышенности, с которой я сошел на мостовую Андреевского спуска. Она обернулась, прежде чем ступить на тропинку и, убедившись, что я иду следом, ступила. Я, как мог ускорял свой шаг, но девушка держала дистанцию и шла впереди легкой походкой поднимаясь уже на Замковую Гору. У кругов она остановилась. Подняв правую ладонь, дала мне знак остановиться. Дистанция от нее была метров пятнадцать, я стоял как вкопанный, не понимая, что происходит. Мне хорошо было видно, как она ступила в центр кругов и растаяла там как призрак. Я с бьющимся от волнения сердцем, трясясь всем телом от нетерпения, бросился к кругам, и не задумываясь, ступил в центр. Мгновенно все преобразилось вокруг. Желтые листья на деревьях и кустах еще не опали, а солнце светило, как в разгар дня. Я не стал задерживаться в центре кругов, а быстро вышел. Девушку я заметил впереди. Ее длинные черные волосы метались в такт лег-

кой походки. Я пошел следом. Она первая дошла до лестницы и быстро сбежала вниз, я не успел догнать ее, как потерял ее из виду. Андреевский спуск жил своей размеренной жизнью. Торговцы сувенирами, у Андреевской Церкви аллея художников. Я протер глаза, не веря своим глазам. Но беспокойство не покидало меня. И чтобы удостовериться в том, что я вернулся в свое время, подошел к первому попавшему торговцу значками и геральдикой спросил:

– Не подскажете, какое сегодня число? – он испытующе взглянул на меня, улыбнулся, сказав:

– Пить меньше надо. А если быть точным, то сегодня тридцатое сентября, вторник, одна тысяча девятьсот восемьдесят первый год.

Я чуть не выпалил: – «не может этого быть!», – но спохватившись, сказал:

– Спасибо! – и добавил, – В отличие от Вас, я вообще не пью и не курю. – Отвернулся от него, стал соображать, что делать дальше, а в след услышал лишь: – И девушек не трогаю...

Домой пришел, как ни в чем не бывало. На вопрос Лили, – А, что это за курица и пирожки? – ответил: – На заводе пайки давали, вот я и взял один. Там еще яблоки были и лук, но я отказался.

– Ого, да тут у тебя еще и газета, Правда, еще краска типографская не обсохла. А на кой нам эти мешки? – тряся в воздухе свертком льняных мешков, допытывалась жена. Не обращая внимания на ее слова, ответил лишь, что за выпуск газеты:

– Да это юбилейный выпуск. – Жена не стала допытываться, что за юбилей, а я не посвящал ее в подробности. А на следующий день, я пришел на работу, как и прежде, и прилежно трудился на своем рабочем месте...

Книга – 2

Таинственная незнакомка

Глава первая

Мистические приключения, что произошли со мной вчера, не хотели исчезать бесследно из памяти. Я никак не мог поверить тому, что, прожив эти четыре дня в пятьдесят втором году, в восемьдесят первом никто и бровью не повел, не заметив моего исчезновения. Но перемены, которые произошли с моим телом, я ощутил сразу. Мой шрам на лбу куда-то бесследно исчез, словно никакого следа от копыта жеребенка и не было вовсе, а на месте небольшой вмятины, на темени головы от удара сухой веткой яблони моим двоюродным братом, сыном дяди Вани, и следа не осталось. Все это подтверждало тот факт, что я таки был там в пятьдесят втором, и что мой юный двойник, то есть, я сам, себя уберег от неприятных ссадин, а двойника от будущих, которые судя из моих изменений на теле, уже произошли. Значит, подтверждается тот факт, что наша реальность существует параллельно с реальностью такой же, но только в прошлом.

Из командировки вернулся Любченко. Привез массу впечатлений от поездки. Восхищался, обилением продуктов на полках магазинов «Питера» и полушепотом сетовал на нашу бедность.

Но романтический настрой Александра Владимировича к Ленинграду, не мешал ему требовать от подчиненных исполнения плана работ. А мои приключения, которые прочно засели у меня в голове мешали этому. Мешали сосредоточиться на работе, но, поскольку работа для меня была хорошо знакома и отлажена, я выполнял ее в срок и почти механически точно и безошибочно. Это в значительной мере помогало мне размышлять и сопоставлять факты моего недавнего происшествия. Неприятно было лишь одно, это то, что я никак не мог ни с кем поделиться, обсудить свое приключение и благополучно забыть, чтобы спокойно жить и зарабатывать себе стаж на будущую пенсию, до которой оставалось мне жить еще 27 лет.

Однажды, Любченко собрал нас перед началом работы на рабочую пятиминутку и сообщил, что руководителей секторов обязали организовать движение по наставничеству. Я не придал этому особого значения и продолжал выявлять в чертежах конструктивные ошибки, устранять их по установленным ГОСТом правилам и информировать об этом производственные цеха.

Тамара Петровна, при каждом моем уходе в цеха, сразу же срывалась с места и следовала за мной по пятам. Мне это крайне не нравилось. Но, зная обидчивые нравы женского характера, я не стал ей ничего говорить об этом. У меня еще теплилась надежда, на то, что это всего лишь случайные производственные дела и только. Но, это стало системой. Я не выдержал и сказал Любченко. Тот спокойно ответил:

– Тамара Петровна приказом по заводу назначена официальным наставником. Ну а поскольку у нас молодых, или нет, вновь прибывших сотрудников, кроме Вас Валентин, никого нет, вот Вас, и закрепили за ней.

– И, что теперь, эта сотрудница будет бегать за мной и в туалет? – Любченко хитро улыбнулся, затем серьезно ответил: – Ей доплатили до зарплаты десять рублей за наставничество, но в ее обязанности еще и входит дисциплина подопечного. А еще в конце каждого месяца она должна отчитываться в проделанной работе по наставничеству Гольде в письменной форме, подавать за моей подписью количество решенных вопросов с Вами.

– А нельзя, как-то ограничить ее гончие бега за мной? – на, что, Любченко ответил коротко.

– Нельзя.

На следующий день в нашей группе, Исай с Тамарой Петровной, поджидали меня у рабочего места Александра Васильевича.

– Валентин, что это Тамара Петровна жалуется на тебя, что ты не подходишь к ней и не задаешь вопросы по наставничеству?

– А, что, Саша, ты считаешь, что у меня должны быть производственные вопросы к женщине, не имеющей высшего технического образования? – я сказал эти слова, не глядя в сторону Тамары Петровны. На что она вдруг фыркнула, как взнузданная лошадь и громко, на весь отдел, выкрикнула:

– Меня назначили приказом по заводу наставником именно к Вам, и я обязана выполнять предписания начальства!

– Значит, Вы плохо работаете наставником, раз об этом я узнаю именно от Вас только сейчас! – парировал я ее выкрики, и тоже громко и на весь отдел. Тамара Петровна схватила папку и вылетела в слезах из отдела. Немного погодя, Исай сообщил мне, что Тамара подала заявление в дирекцию завода с просьбой снять с нее общественную нагрузку по наставничеству из-за производственной необходимости и большой занятости в цехах. Любченко пригласил меня на свой приставленный стул к письменному столу его рабочего места, за которым он работал.

– Валентин Альбертович, поскольку Тамара Петровна из-за завала в работе не может тянуть еще наставничество, то я внес дирекции завода предложение, назначит Вас консультантом-наставником для стажирующихся двух студентов, прикрепленных к нашему отделу. – Он выдержал паузу, затем продолжил, – Как, Вы согласны?

– А разве на нашем заводе требуется согласие подчиненных?

– Существует установленная процедура, согласно которой я довожу до Вашего сведения данный вопрос.

– Конечно, согласен.

– Ну, тогда ожидайте приказ, когда он вступит в силу, я пришлю к Вам студентов.

Таким образом, справедливость была восстановлена, и моя работа на заводе пошла в новом русле производственного процесса. Мои мысли были заняты цеховой рутинной и выявленными ошибками в конструкторской документации, исправления, вносимые в чертежи, надо было согласовывать с конструкторским отделом разработчиков, и думать о моем путешествии в прошлое было некогда, да я уже об этом приключении почти забыл. И только каждый раз по дороге домой, когда проезжал на трамвае поворот на Старый Подол на отрезке пути к остановке Крытый рынок, старое название Житный базар, перед глазами вставала картина недавнего происшествия. В памяти всплывало лицо девушки, которая помогла мне выбраться из прошлого, и которая встретила случайно мне перед моим восхождением на Замковую Гору по лестнице. Эта странная встреча все настойчивее проникала в мое сознание с одной и той же мыслью, что была не случайной. Предопределенной, каким-то мистическим образом, о котором я не мог знать. Если предположить, что этот феномен проявляет себя время от времени, то внедряясь в пространственно-временные перемещения можно менять судьбы людей, а значит, исторические события могут протекать иначе. В конце концов, это может привести к хаосу и неразберихе исторических процессов в мировом социуме. Отсюда напрашивается вывод, что такие аномальные зоны должны находиться и, безусловно, находятся под контролем неких сил, которые строго следят за внедрением в эти зоны случайных людей, одним из которых и оказался я. А эта девушка, представительница стражей этого портала времени и в ее задачи, очевидно, входит сторожить этот портал. Так я представлял деятельность незнакомки, действующей столь профессионально быстро и без суеты, выведшей меня из стихийного заблуждения. С такими мыслями я приехал домой после работы. Двенадцатого октября в понедельник с зарплатой. Зарплата у нас обычно выдавалась 10-го числа, каждого месяца, но в 1981 году десятое октября попадало на субботу и деньги выдали нам в понедельник. Я

зашел в супермаркет «Велика Кешеня» купил бутылку шампанского «Брют» и явился домой. Жена была очень рада, и мы сели на кухне ужинать.

На следующий день, как обычно, я ушел на работу. Нудная рутинная и не интересная трудовая деятельность ради куска хлеба, была тосклива и невыносима. А, когда тебе еще напоминают сотрудники, особенно Тамара Петровна, как бы невзначай: «Не мог себе интересней найти занятие, чем здесь бумажки переключивать, а Валентин?» – мне хотелось ей ответить не лестными словами. Но в силу своей воспитанности я сдержанно сжимал зубы, отворачивался от назойливой сотрудницы и шел по своим рутинным производственным делам в цех. Так прошел этот рабочий день вторника 13 октября 1981 года. Ровно в 18 – 00 я вышел на свежий воздух за проходную завода. Погода не по-осеннему стояла еще теплая, легко и свободно дышалось. Трамвай, громыхая, подкатил, и я вскочил в распахнутые двери. На повороте в направлении Подольского рынка, трамвай вдруг сильно тряхнуло, и он резко остановился, два пассажира свалились в проходе. Водитель открыл двери и сообщил, что произошла авария, что трамвай дальше не пойдет. Пассажиры вынуждены выйти. Хорошо, что к метро недалеко, и я пошел аллеей в этом направлении. Внезапно меня легонько кто-то взял за локоть. Я обернулся и обмер, рядом со мной стояла та самая девушка, которая вывела меня из прошлого 1952 года.

– Здравствуй, – ангельским мелодичным голосом, растягивая слова, почти пропела она. Я открыл рот от неожиданности, растерялся и не знал, что ответить. Мы стояли, и смотрели друг на друга. Девушка ждала, что я отвечу, я же оцепенел от внезапной неожиданности, не зная, что говорить. Затем спохватился, промямлил в ответ:

– А, это Вы? Ну, здравствуйте! – далее я снова умолк и не знал, что говорить. Короче вел себя, не уверенно от этой неожиданной встречи. Пауза снова затягивалась, первой нарушила молчание она.

– Меня зовут Лыбедь.

– Как сестру трех братьев? – невозмутимо спросил я у нее, не поверив, что это та самая Лыбедь. Девушка, вопросительно взглянула на меня и удивленно спросила:

– А откуда ты знаешь, что у меня были три брата?

– Девушка, не разыгрывайте меня, лучше скажите мне правду. Вы такая красивая, а так искренне верите в сказки, что я могу поверить Вам, что Вы сестра Кия, Щека и Хорива?

– Да, это так и есть. – Не возмутимо пропела она с легким акцентом, растягивая слова. Лицо ее при этом омрачилось, по всей видимости, от моего неверия.

Я не знал, что ответить. Если бы это была случайная прохожая и стала говорить мне подобное, я бы, конечно, не стал бы с ней разговаривать, понимая, что она не в себе. Но, поскольку девушка сыграла ключевую роль в моем приключении, значит тут что-то скрыто, что-то не так, и требует более основательного разбирательства. Пока я размышлял, она смотрела на меня своими удивительно красивыми черными глазами, ожидая ответа.

– Вы, извините меня, – начал я, запинаясь, и не совсем еще овладел собой. – Я не представлял, меня Валентин зовут. – Заговорил я, чтобы хоть как-то смягчить неловкость первых минут знакомства. На ее лице мелькнула чуть заметная улыбка, и она ответила мне:

– Я знаю.

– Что Вы знаете?

– Знаю, как тебя зовут.

– Откуда Вы можете знать, я ведь с Вами только вот начал разговаривать?

– Я была свидетелем твоего зарождения. – Я снова подумал, что меня умело, разыгрывает актриса с легендарным именем Лыбедь. Но, выждав немного, чтобы хоть, как-то придти в себя и собраться с мыслями, спросил:

– И, как же?

– Будешь иметь выход из невидимой реальности в материальный мир, через наш коридор времени, чтобы посеять себя в новую жизнь. Это произойдет тогда, когда ты окончишь свой материальный цикл и перейдешь в невидимый мир.

– Хотите сказать, когда я умру?

– Да. – Она прямо и открыто, без тени смущения смотрела на меня. Я же не знал, что сказать. Тем временем она продолжала:

– Напряги свою генетическую память, когда ты еще не был в материальном мире, что ты помнишь? – я снова был озадачен и растерян. Затем попытался вспомнить, что было до моего рождения. И перед глазами стали возникать картины воспоминаний до рожденной жизни. Я вдруг понял, что мне припомнилось.

– Лыбедь, вот я вижу в памяти, что выбираю свое место рождения на Земле. С высоты небес желто-зеленое пространство постепенно рассеивается.

– Это ты принял решение придти в этот мир. – комментировала Лыбедь. – А дальше?

– Вижу четче, проступают облака и синее небо, внизу Земля. Рядом со мной еще несколько воплощающихся.

– Это твои дальне родственники, они пойдут раньше на Землю.

– Нас пять или семь. Мы общаемся друг с другом и договариваемся встретиться на земле.

– Для чего вы хотите встретиться?

– Чтобы бороться против страданий, конкретнее против войн, приносящих эти страдания.

– Очень хорошо, а дальше? Что было дальше? – девушка очень внимательно слушала меня и участливо поощряла вопросами мои ответы.

– Дальше я вижу сфинкса в долине Гизы, рядом пирамиды Хеопса. Нет, я не хочу здесь родиться, и перемещаюсь за океан. Вижу статую Свободы, что в Нью-Йоркской гавани, ее шипы и чувство, что здесь я могу родиться в Африканской семье. Меня напугали острые шипы на голове статуи, я отказываюсь и здесь.

– Где ты хочешь воплотиться в плоть?

– Я помню Зимний Дворец Санкт-Петербурга, и хочу быть там. Перемещаюсь в Рим. Вижу знаменитую статую Волчицы, кормящую своих щенков. Отказываюсь и здесь, мне необходимо увидеть Зимний Дворец. Перемещаюсь дальше. Уже совсем близко Земля, а назад пути нет. Билет только в один конец к Земле, необходимо воплощение и вижу ажурную вязь зеленых куполов. Да это Зимний Дворец с его архитектурой. Я иду туда. И приблизившись ближе, вижу, как я ошибаюсь. Вернуться ввысь, для перемещения дальше, нет запаса высоты, внизу крыша Андреевской Церкви. Что ждет меня там внизу?

– Что ты видишь? – Лыбедь певуче спросила меня.

– Вижу Старца с длинной седой бородой ниже пояса. На нем грубая накидка из грубого полотна Подвязанная вокруг талии веревкой, на плече, на длинной веревке заплатанная сума в руке у него посох с крюком на верхнем конце посоха в виде полукруга. Слышу голос.

– Что тебе говорил женский голос тогда?

– Бросать в гурьбу женщин в черных и длинных одеждах, сбившихся в кучу у ступеней Андреевской Церкви, и что-то хватающих, как стая ворон на пиршестве. Седой Старец стоял и смотрел на них в стороне.

– Это Андрей Первозванный в невидимом мире, он ждет тебя, чтобы провести тебя к пункту назначения, для рождения в плоть.

– И снова я слышу женский голос: «Бросай в толпу и следи, кто возьмет, за тем и следуй». За спиной в моем походном рюкзаке был собран нектар для пропитания в дороге. Ободряющий голос снова мне говорит: «Бросай не бойся!». Я достал голубой ступок нектара и бросил весь запас, без остатка, прямо в женщин в черных одеждах. Расталкивая друг друга, каждая из них старалась схватить мой нектар. Но тут в борьбу вступил Старец. Он бросился в эту

кучу, расшвырял многих и хватая нектарные сгустки, которые бросали туда же другие прибывшие, клал себе в суму, так в его суме оказался и мой нектар. Затем, не говоря ни слова, повернулся и стал уходить низ по Андреевскому Спуску в сторону Замкового строения. Слева я вижу двухэтажный дом с подвальным помещением и слышу голос Старца: «Кто туда идите!». Он не успел еще договорить, как кругленький и толстый, как колобок быстро проковылял кивыми ножками к подвалу, а мы продолжили свой путь. Вот и Замок, но мы идем дальше. Наш поводырь не отсылает нас туда. Мне стало не по себе. А проводник идет к Замковой Горе, и я уже изрядно устал, а Старец идет по тропинке вверх на Замковую Гору.

– Сейчас ты увидишь меня в невидимом мире. – Сказала Лыбедь.

– Да я помню, что Старец подошел к Вам, и вы в окружении гурьбы детей с ним беседовали. Мне показалось тогда, что он у Вас спрашивал разрешения на что-то.

– Да это верно. Он через известный уже и тебе коридор входит в материальный мир там его знают под именем Дорош. Он обходит всех, кто по его милости родился в плоти.

– Да, я помню Старца. Бабушка давала ему хлеб и кормила его борщом. А мать ругала бабушку, чтобы она не прикармливала Старца.

– Ты помнишь, что было дальше?

– Да, конечно. Я долго шел за ним. Очень устал и проголодался. Я уже не мог идти, когда Старец присел у пня. Он достал из своей сумы лук, чеснок и ломтик нектара, с голубым небесным цветом лежала эта еда. У меня уже не было сил подойти и взять еду, чтобы подкрепиться. У меня оставались сила только на то чтобы протянуть руку к этому пню с едой и взять вожделенный нектар. И тут я снова слышу женский голос: «Бери сначала лук, потом чеснок и потом уже возьмешь нектар». Я протянул руку к еде, не дожидаясь разрешения Старца, взял ломоть лука. Последние силы мои иссякли, оставался последний рывок донести до рта этот ломтик луковицы. Когда я откусил кусочек луковицы, силы мгновенно влились в меня, чеснок я уже смог взять и сесть более уверенно и наконец, рука дотянулась до нектара, эта еда вернула меня к жизни, и это был мой первый вздох при рождении. Как видите Лыбедь, я вспомнил все, что было до моего воплощения в плоть. И теперь я хочу спросить у Вас, что Вы делали на Замковой Горе, когда Старей спрашивал у Вас разрешения.

– Моя плоть похоронена там. А коридор воплощает меня в материальный мир, где я могу спокойно общаться с Вами не опасными для меня людьми вот уже много веков, оставаясь, такой, какой ты меня видишь.

– В это трудно поверить, что такое вообще возможно. – Крайне удивился я. Но сомнения мои заколебались, вспоминая недавние приключения в прошлом 1952 году. Вдруг я потерял дар речи, вспоминая, как беспокоится моя жена. Я уже давно должен был находиться дома.

Лыбедь, словно прочитала мои мысли, сказав: – Не надо волноваться, оглянись вокруг.

Я огляделся по сторонам и замер, все вокруг меня стояло и не двигалось. Люди замерли в неподвижных позах и не шевелились.

– Ты, Вы, остановили время? Как это возможно?

– Этому научил меня коридор, тот которым ты попал в прошлое. А домой ты попадешь вовремя.

– А кто еще знает о существовании коридора?

– Только посвященные. Но они не могут им пользоваться, потому, что не знают циклов времен. Одной монахине Флоровского монастыря, который был когда-то на Замковой Горе, удалось случайно, как и тебе узнать один виток цикла. Она однажды ушла в прошлое и поменялась там со своей молодой плотью. Вернулась в монастырь ее молодая плоть, удивив своей молодостью монахинь. Но обмануть время нельзя. На следующий день она вернулась обратно и осталась дома. Ты же знаешь, что коридор имеет свойство закрываться и кто не знает расписание, не возвращается никогда в свое время.

– Да, кажется, где-то читал о чудесах на Замковой Горе. Вот если быть точным примерно так описан этот исторический факт, как Вы рассказываете, Лыбедь.

– Ну, что же, давай будем прощаться.

– Скажите, я очень волнуюсь, все-таки я беседую с живой легендой, династии основателей Киева. Скажите, мы с Вами еще встретимся?

– Я очень на это надеюсь. Так как движение планеты Земля в ближайшие ста миллионов лет не собирается меняться, то наш коридор останется стабильным все это время.

– Надеюсь на скорую встречу.

– Я тебя сама найду. – Сказав это, девушка медленно таяла на глазах и исчезла. Пассажиры с сошедшего с рельс трамвая задвигались, спеша к станции метро «Красная Площадь». Я последовал за толпой пассажиров...

Глава вторая

Засыпая, лежа в постели, я сквозь дрему стал размышлять над своей семейной жизнью. Прошел год, как я женился и очень люблю свою жену. Детей мы решили пока не заводить. Сначала надо пожить для себя, осмотреться, затем уже принять окончательное решение и заняться воспитанием новорожденных. С такими мыслями от тепла, уютного семейного гнезда пришел сон, как дуновение весеннего ветерка с запахами первой весенней листвы смешанный с запахом трав. Вдыхая аромат каштановых волос моей жены, вызывающий ассоциации весеннего ветерка, принесшего эти чудесные запахи весны, я не заметил, как погрузился в сон. Перед моими глазами поплыли картины сновидений, где я видел себя ученым, то воином, то мальчиком, сыном кузнеца...

...Машина времени доставила этого мальчугана к нам из глубины веков. Ему было лет двенадцать, не больше. Одет он был красочно в богатых одеждах. Скорее был похож на маленького Муку и з детских восточных сказок, чем на красивого европейского мальчишку.

– Я родился, – начал он свой рассказ, – в семье кузнеца. Отец мой, Гаврила Умелец, славился своим кузнечным мастерством и богатырской силой. Он мог одной рукой поднять быка и на спине внести на гору, что возле мельницы, арбу, груженную мешками с мукой. – Мальчик солидно подбоченился, видно было, что он гордится своим отцом.

– Меня зовут Николкой. У меня еще было семеро братьев и сестренка. Отец, как старшего меня, часто брал с собой в лес за дровами, для добывания древесного угля. И мы иногда проводили за работой там несколько дней. Однажды, как и в прошлый раз, мы отправились с ним на нашей кобыле, запряженной в арбу, в лес за дровами. Дома осталась мамка с маленькими моими братьями и сестренкой. Отец в прошлый раз наметил и ободрал кору внизу на стволах нескольких сосен, они уже высохли и ждали, когда мы их срубим на дрова. В лесу было так тихо и таинственно, только в верхушках шумел ветер. Мы въехали на поляну. Там был с покосившейся стеной сруб. В хижине мы нашли шкуры на лежанке и на печи. Нашли заготовленные припасы, лук и картошку. Здесь мы собирались пробыть с неделю. Это было наше строение, где можно было ночевать и зимой, не боясь лютых морозов.

Отец будил меня с восходом солнца и до заката мы валили сосны. Я сбивал ветки, отец рубил их на дрова. Нарубив полную арбу дров с верхом. Для этого по бокам арбы втыкались ровные и длинные ветви и можно было грузить в этот воз сколько сможет дотащить наша лошадь. И с набитой до отказа арбой мы двинулись в обратный путь. Когда за поворотом дороги появилась первая обгорелая изба, сердце мое тревожно забилося в груди.

– Снова пожар у Ракитина. – Сказал отец. Но это был не пожар – это было целое пожарище. Наш хутор сгорел дотла. Ни одной избы не осталось целой. На пепелищах бродили ставшие бездомными собаки, и время от времени слышался их жуткий вой. Отец, что есть мочи, погнал лошадь к нашему дому. На дороге попадалась разбросанная в беспорядке разбитая посуда, кадки, трупы стариков и женщин и убитый скот. Страшно стало в этом мертвом хуторе.

Вот, наконец, наша изба. Груда еще дымящихся головней да пепел на месте жилья. И мертвая мамка, и мои братья, и сестричка. Мамка лежала у самого кострища со стрелой в груди. Отец подошел к матери и вытащил стрелу из груди. Он внимательно осмотрел стрелу.

– Татары! – сказал сдавленным голосом, повернулся и пошел к тому месту, где была кузница. Там, порывшись в золе, он достал лопату с огарком держака. Вытащил огарок из лопаты и вставил на его место длинную ветку, которую вынул из арбы, подпиравшей дрова. Братьев и сестренку, и мамку мы похоронили. Дальше отец, выбрав из золы уцелевший инструмент, кое какую посуду, погрузил все это на арбу, и мы двинулись в обратный путь к покосившейся халупе. Там и стали жить. Я помогал отцу обрабатывать огород, подправлять вместе с ним сруб. А когда с этим управились, отец стал мастерить лук. Стрелы он сделал с металличе-

скими наконечниками. Когда пришла зима, отец ездил на лошаденке подальше в лес на охоту и приносил с собой туши оленей. А однажды притащил на прицепленных к лошади жердях медведя. Из медвежьей шкуры получился хороший и теплый жупан, а медвежье мясо было очень сытно и вкусно. Жили мы с отцом в достатке и тепле. Только чувство постоянной тоски по людям, по мамке и сестренке усиливалось и не проходило. Однажды, весной, когда мы вернулись с охоты, на поляне стоял конь с окровавленным человеком на его спине. Когда мы подошли ближе к лошади, то увидели, что со спины человека торчит стрела. Отец снял с коня тело и осмотрел его. Это был молодой парень в одежде русского воина. На нем была кольчуга поверх кожаной рубашки. Кожаные штаны и сапоги, на голове шлем с белым пучком конских волос. Все говорило о знатном происхождении воина. На боку висел меч в ножнах. Отец бережно, чтобы не причинять излишней боли, закатал кольчугу, разорвал рубашку подле раны, и приложив ухо к груди стал слушать.

– Он жив. – С этими словами отец перенес тело в избу. Смазал рану медвежьим жиром и перевязал чистой тряпицей, заранее приготовленной, на всякий случай для охоты, там всякое может случиться.

Воин бредил три ночи. Он кричал среди моего глубокого сна и часто будил нас. Он звал кого то в своих бредовых галлюцинациях, приказывал и кричал. На четвертую ночь затих. Я думал, что он преставился, но дыхание у него выровнялось, стало спокойным. Днем он открыл глаза, огляделся по сторонам и спросил меня слабым голосом:

– Где это я?

– Ты находишься у кузницы Гаврилы Умельца, я его сын. Николкой меня зовут. Наш хутор сожгли татары, всех убили. Мы с отцом из всего хутора только и остались.

– Где отец?

– Он ушел на охоту, а мне велел быть подле тебя.

– Где мой меч, лук, кольчуга? – простонал он, пытаясь встать. – Подай мне их, я хочу... – он не договорил, и повалился на шкуры, страшно бледнея на глазах. Я, было, подумал, что он умер. Но его прерывистое дыхание, говорило мне обратное. Я принес ключевой воды в кувшине из родника, что неподалеку. Попытался напоить раненного. Воин жадно пил, затем снова впал в беспамятство. Так и лежал, не приходя в сознание,

Отец пришел под вечер. Он появился в хижине с телянком оленя на плечах и с грохотом сбросил тушку на земляной пол.

– Давай, Николка, разжигай печку, будем жарить мясо. А я пока разделаю телянка. Печенку вот надо раненному дружиннику, печенка хорошо укрепляет силы. – Отец еще что-то говорил, но я был уже на дворе и вернулся в хижину с охапкой сосновых дров. А отец разделывал тушку и снимал шкурку острым ножом. Кивнув в сторону больного, спросил:

– Что с ним? – я рассказал все.

– Завтра попробую поговорить. – Ответил отец.

Назавтра воин опять открыл глаза. Взгляд его затуманенных глаз остановился на отце.

– Ты, кто? – спросил он.

– Я, Гаврила, кузнец.

– Ну, Гаврила, а я было подумал, что ты медведь, весь косматый, заросший, одни глаза торчат. – Отец выдержал паузу, долго молчал. Раненный пытался опереться на локоть, что бы лучше видеть нас, но не смог, и повалился на шкуры, но сознание не терял. Отец внимательно рассматривал его, затем спросил: – Ну, да ладно. Давай рассказывай, кто ты, откуда и зачем по лесам таскаешься в такое беспокойное время?

– Я князь Онежский, ездил с дружиною в град Киев к Святославу. Со мной была дружина двадцать человек. Но татары уже вступили в град, а мы замечены были и разбиты. Как видишь, уцелеть удалось только мне. С позором возвращаться назад не буду, пока не отомщу за зло-

деяния басурманам клятым. – Сказал и опять впал в беспамятство. Это было его последнее беспамятство. Больше этого с ним не случилось.

Князь быстро поправлялся. Рана его затянулась, но он все еще был слаб. Мы сдружились с ним, часто ходили на охоту. Собирали дикий мед, малину. Однажды мы нарвались на каких-то людей, стоявших в лесу. Одеты они были в лохмотья, кто в шкуры. У каждой лошади, татарские луки, самодельные мечи. Слышалась славянская речь.

Князь не удержался и выскочил на поляну, прямо на виду у людей. В мгновение ока на него были направлены все шесть заряженных луков.

– Я князь Онежский! Призываю вас мстители мстить басурманам за землю, нашу обездоленную! – лесные люди окружили князя. На лошади к ним подъехал здоровый, как медведь, мужик в медвежьей шкуре и в сапогах. Его окладистая, черная как смоль борода и длинные волосы придавали ему свирепый вид.

– Князь! – обратился свирепый, не слезая с лошади, – Ты зовешь нас мстить басурманам, так мы и так знаем, и мстим. А когда нет басурманов поблизости, так берем провиант у богатых, таких вот как ты. А токмо они не согласные, так и решаем их сразу без разбору, кто басурман, а кто и нет.

– Что же вы разбоем пропитание добываете? На чайки пойдете, каторги вам не избежать! Я вас кличу на ратный бой за землю Руси стать, а вы, что? – он еще что-то кричал им, стараясь перекричать повсеместный громовой гогот, окруживших его бородачей. Внезапно дико заржала и вздыбилась лошадь. Седок, говоривший с Князем, не удержался и грохнулся на землю. Лошадь, свалилась следом и придавила собой седока, храпя и испуская дух из себя. Мужик даже не ойкнул, был мертв. И тут же засвистели со всех сторон стрелы. Послышался душераздирающий вопль:

– Татары!

Князь громко скомандовал: – Все, кто меня слышит ко мне! – и сразу подле князя собрались уцелевшие разбойники. А князь тем временем продолжал, вытаскивая из ножен убитого лошадью мужика, меч: – Кто со мной, тому будет амнистия за разбой. У кого луки и стрелы принять оборону, укрыться за деревьями и бить басурман. – Князя слушались и выполняли его команды. Татар прогнали, и отряд одержал победу. Как оказалось, это был летучий татарский отряд разведчиков, состоявший из небольшой группы, обычно человек шесть или двенадцать. Они случайно наткнулись на лесных разбойников и устроили переполох. Кроме одного убитого ватажка, никто не пострадал, еще и потому, что татары были хороши в степи, в лесу они не умели воевать, а лесные люди были в лесу как у себя дома. Вот и результат, трое тарских лазутчиков были подстрелены, остальные удрали. После удачной борьбы, ватага лесных людей стала подчиняться князю, и он принял командование на себя. А этим бывшим разбойникам было почетно, служить под княжим командованием. Решено было выслеживать и нападать на обозы и мелкие разведывательные отряды татар.

Отец в походах возил меня с собой на нашей кобыле. Он отковал себе булаву и орудовал ею в бою, разбивая вражеские сабли, как хрупкие сухие ветки на сосне. Вся добыча свозилась и сваливалась в избе. Чего тут только не было. Ковры, красивые золотые кубки, украшения. Оружие, кривые сабли, луки, пики, стрелы, дорогие седла. Отряд князя теперь походил на разношерстных убранных в добытые одежды всадников, насчитывающихся целых сто человек. И только Отец не надевал на себя ничего басурманского. Он так же носил медвежью шкуру, ходил лохматый, обросший и в бою нагонял своим свирепым видом страх на татар. Кони их шархались в сторону, храпя, очевидно принимали его за настоящего медведя. Отец надевал на меня разную одежду. Так у меня появились шелковые голубые шаровары, белый халат, парчовый пояс, чалма и ботинки с загнутыми кверху носками. Я стал походить на татарчонка, поэтому-то в бою меня не брала ни стрела, ни татарская сабля. Так и бродили мы по лесам.

Князь неустанно мстил, яростно убивая, беспощадно расправляясь с врагами. Однажды он сказал, что освободит Киев от татар, только нужно собрать больше людей в отряд.

Как-то мы стали на ночлег. Солнце еще светило, хоть лучи его уже не были яркими и окрасились в красноватый оттенок. Кони расседланы, согнаны в кучу. Только отец не ставил нашу гнедую в общее стадо. Гнедая всегда была рядом с отцом.

Татары наскочили неожиданно, с криками и гиканьем, стали расстреливать пеших дружинников. Отец схватил меня, вскочил на кобылу и погнал в чащобу, но нас заметили. Несколько всадников бросились вдогонку. Вскоре мы выскочили к сторожевой полуразрушенной башне. Отец погнал лошадь туда. Вскочил во внутрь и по лестнице поднялся на верх. Я остался в седле. Неописуемый страх и досада охватили меня. Как мог родной отец бросить меня? Но спустя немного времени я все понял. Желая спасти мою жизнь, он намеренно бросил меня, чтобы татары приняли меня за пленника, и что бы я остался жив. Отца же настигла вражеская стрела и он, издав хриплый стон, затих, повиснув в проломе башни. Меня доставили в шатер к самому Али-бею. У Али-бея была десятилетняя дочь. Звали ее Лилин. За ней смотрели две бабушки Галима и Фатима. Они теперь ухаживали и за мной.

Вначале я молчал. Молчал долгое время и понемногу все привыкли к моему молчанию. Стали считать меня глухонемым. Но я все слышал и продолжал выполнять свои обязанности живой куклы Лилин. Постепенно мне становился понятен язык, и я уже понимал все, и даже мог говорить, но боялся выдать свое происхождение. Я боялся, что Али-бей узнает мое настоящее происхождение и уничтожит меня.

Мы сидели в одной корзине с Лилин на спине слона. Всюду попадались пожарища, обгоревшие хутора, опустошенная татарами земля. Али-бей ехал на арабском скакуне рядом и с нежностью поглядывал на дочь. За слоном растянулось его войско. Отряд Али-бея возвращался к себе в далекую Монголию...

На этом мальчик прервал свой рассказ. Новичков смотрел на гостя с далекого прошлого удивленными глазами, не веря в опыт. Но опыт с машиной времени удался, и он беседует сейчас с маленьким знаменитым впоследствии историком и политическим деятелем, первым резидентом Киевской Руси времен Золотой Орды. Он много сделал для Древней Руси. С его помощью беспрепятственно возродилась Киевская Русь и окрепла, превратившись внутри Орды в могучий кулак. Семена будущей мощи Руси были заложены Владимиром-Ахмедом Али, придворным мудрецом и приближенным Чингисхана. Владимир Новичков обратился к Николку:

– Ты сейчас находишься в очень далеком времени от тех дней. Давно уже нет ни Али-бея, ни его войска, ни тех, кому он служит. Ты мальчик в двадцать первом веке. На месте Киевской Руси сейчас великая и свободная Украина, столица в Украине Киев. Ты прибыл к нам из сурового времени. Мы обязаны отправить тебя в твою эпоху. Ты будешь там жить и проведешь (вернее провел) такую жизнь, о которой мы знаем с истории древних народов. А сейчас сядь в это кресло. Николка послушно сел на указанное Новичковым место, положил голову на мягкие подушки, руки на удобные поручни..., и вскоре, покачиваясь в корзине слона, открыл глаза.

– Что с тобой? – толкала его Лилин, – Ты спал, как мертвый, я даже испугалась.

– Я видел чудесный сон. – Ответил Николка по-татарски.

– Папа, папа, он заговорил! Он заговорил! – захлопала в ладоши девочка и залилась счастливым веселым детским смехом...

я открыл глаза. Рядом, посапывая во сне, еще спала жена. Я стал вспоминать, откуда я знаю Володю Новичкова. Я понял, что от этого сна мне уже не уснуть. Тихонько выбравшись из постели, я проник на кухню. Там висят на стенке часы, шесть утра. А просыпаемся мы ровно в семь. Я сварил себе крепкий кофе и принялся думать о Новичкове. Ну конечно, мы же жили вместе в одной комнате в студенческом общежитии. Он еще там, в институте стал заниматься проблемами временных аномалий. Как-то помнится принес статью о Филадельфийском эксперименте, проводимом на эсминце по расчетам Эйнштейна. А сейчас, наверное,

уже, в каком ни будь засекреченном НИИ, ведет свои исследования в области космических пространственно-временных кротовин.

– Валик, ты чего так рано проснулся? – вошла, зевая на кухню жена.

– Да, вот кофе тебе приготовил. – Стал оправдываться я. И быстро налил из кофейника жене кофе. Она с удовольствием принялась за напиток. Через десять минут, Лиля уже бодро рассуждала о будущем нашем и первом с ней совместном отпуске, когда мы ранней весной отправимся отдыхать. Поговорив о наших планах, мы отправились на работу.

По дороге из головы не выходил этот сон, так, до мелочей, промелькнувший красочными картинками. И мысли снова вернулись к Володе Новичкову, к его машине времени. Мне вспомнилось, что как-то он среди ночи громко выкрикнул: – «Эврика»!

Я тогда вскочил с постели, бросился к нему, чтобы напомнить ему, что он не один в комнате, что хоть когда-то надо хорошо выспаться. Постель его была уже пуста, в коридоре хлопнули дверь. Я догадался, что в три часа ночи Володя выбежал в умывальник вымыть руки. Хотелось спать, и я буквально провалился в сон, лишь только мое тело коснулось теплой простыни моей постели. В это самое время Новичков влетел в комнату и истошным голосом громко выкрикнул:

– Понимаешь Валентин, я понял принципы работы машины времени! Понимаешь! – он тряс меня за плечи, пытаясь разбудить. О, как мне тогда хотелось дать ему под зад и выбросить из комнаты. Он еще что-то бормотал, о природных аномальных зонах, о разбросанных по всей земле мегалитах и прочей ерунде, которой я не придавал тогда значения. Столкнувшись с непознанным перемещением в прошлое, да потом, и с появлением таинственной незнакомки в моей жизни, все стало на свои места. Володька был прав. И, конечно, при разработке своей машины времени он использовал природные явления аномальных зон. Поэтому принципу и построена его машина. Трамвай вез меня на работу, а за окном промелькнули заснеженные деревья Замковой Горы и скрылись в одно мгновение за поворотом вагона...

Любченко, поздравившись со мной, сказал:

– Валентин Альбертович, присаживайтесь, – он указал на стул возле его письменного стола. – Поступило предложение по Вашему изделию. – Я с удивлением посмотрел в его глаза. Любченко ладонь правой руки положил на стопку папок с чертежами, и продолжил. – Это Ваше изделие в нашем производстве. И в связи с многочисленным выявленным Вами ошибок в чертежах, приостановлено его производство. – Он выдержал паузу, внимательно глядя мне в глаза. Я не стал выжидать, и спросил: – Так что теперь?

– А, то, что не будет выполнен план, полетит прогрессивка и тринадцатая зарплата, будем сидеть на голом окладе. Это понятно?

– Так точно, товарищ начальник. – Я повторил свой вопрос, – Так что теперь?

– Надо ехать в НИИ с выписанными Вами ошибками и добиться разрешения на производство по измененным чертежам у нас, до того, как эти изменения будут внесены в оригиналы разработчика. – Мне страшно не хотелось куда-то уезжать, и я не выдержал, сказал в ответ:

– Явно сидит бывшая студентка и чешет на ватман все, что придет в голову. А мысли вертятся вокруг белья, да модных журналов.

– Вот Вы поедете туда, да и разберетесь с этой Резинковой Г- э. э – М. Идите, оформляйте командировку в Ленинград на неделю. Туда поедете скоростным поездом и обратно.

– Александр Владимирович, у нее не Резинкова, фамилия, а Резникова.

– Да какая разница. Можно было бы и самолетом, но сами понимаете, дороговато выходит. Да и билеты уже на завтра лежат в архиве отдела кадров. Идите, а я Вам подошью перечень изменений и сопроводительное письмо в НИИ. – Я пулей выбежал готовиться к командировке. Жене позвонил на работу, сообщил новость. Лиличка ответила мне: – Вот хорошо, купишь мне, что ни будь в «Питере». Получив телефонное благословение жены на мою произ-

водственную поездку в Ленинград, я с легким сердцем стал оформлять командировку, и все, что с этим было связано...

Скорый поезд Киев – Ленинград под названием «Стрела», отправился с первой платформы вокзала ровно в 16—00. В купейном вагоне в купе №5, нас было трое, нижнее, четвертое место, было не занятым. Кроме меня, в командировку с нашего завода ехали еще двое с секретного отдела. Это был капитан первого ранга и гражданское лицо. Они набрали водки и пока поезд был еще на стоянке принялись выпивать, усиленно приглашая меня принять участие. Я вел и продолжаю вести здоровый образ жизни, поэтому отказался наотрез, гражданский, открывая бутылку, проводил меня словами за дверь купе: – Нам больше будет.

Я стоял у окна, рассматривая пассажиров, и вдруг заметил Лыбедь. Я не поверил своим глазам. Она была одета, как все женщины одевались в 81-ом году, только небольшой чемодан на колесиках с выдвигной пластмассовой ручкой был в диковинку в то время. Это привлекало внимание пассажирок на перроне, и любопытные женщины провожали ее одобрительными взглядами, что хоть одна догадалась приделать колеса к чемодану. Лыбедь, поднялась в наш вагон, я поспешил ей на встречу.

– Здравствуйте! – поздоровался. – Давайте помогу вам. – Взял ее чемодан.

– Здравствуйте, Валентин. Мне в пятое купе. – Но мне этого можно было и не говорить. С того момента, когда я увидел Лыбедь на перроне, уже знал, что четвертое место это для нее. С того самого момента, когда увидел я ее на перроне, внутри у меня пробежало холодком любопытство очередной встречи. Меня волновало желание поскорее узнать, что привело ее сюда, и что ожидает меня, на сей раз? Руки мои дрожали от этого, и любопытство брало верх. Открыв дверь купе, я сказал коллегам: – Принимайте пассажира.

– Проходите, пожалуйста, и устраивайтесь. – Сказал военный, вставая со своего места, за ним поднялся и второй, проходя мимо девушки, высказал, свое уважение к даме. Мы вышли из купе, давая возможность, устроится даме удобнее. Чтобы чем-то унять свое волнение, я спросил военного, который стоял у окна ближе ко мне: – Сергей Михайлович, сколько еще будет стоять поезд?

Он посмотрел на часы и повеселевшим от выпитой водки голосом ответил: – На моих командирских еще минут двенадцать.

В это время из купе вышла Лыбедь.

– Спасибо, товарищи. Я уже устроилась. – Сказала она, улыбаясь, глядя на меня своими черными глазами. – Заходите в купе, а я тут с Валентином поговорю.

– А, Вы знакомы? – вдруг спросил гражданский коллега.

– Ты, Федор Харитонович, сильно любопытный. – Сергей Михайлович взял Федора за предплечье и потащил в купе, – Пошли, пошли. – Они оставили нас.

Глава третья

Лыбедь снова стала смотреть на меня своими удивительными глазами, так похожими на влажные ягоды смородины после теплого летнего дождя. Она улыбалась приветливо и ласково, и в этом взгляде было столько нежности, ласкового тепла и материнского чувства, словно я был ее несмышленным несовершеннолетним сыном.

– Валентин, давай выйдем, до оправления поезда еще десять минут, это целая вечность, и ты еще успеешь на поезд.

– Конечно.

Она пошла вперед, я за ней. Когда мы спустились на перрон, проводница строго предупредила: – До отправления поезда пять минут. Опоздаете, вещи уедут без вас.

– Девушка, у Вас часы неправильно ходят. – Проводница взглянула на часы.

– Ну и что, пять, десять, какая разница? – но мы ее уже не слушали. Я вдруг увидел, что проводница застыла на месте. Вокруг стало тихо. Звенящая тишина легла на город, и только голос Лыбеди вывел меня из увиденного оцепенения: – У нас пять часов в нашем распоряжении.

– А, что потом? – спросил я, пытаюсь с ориентироваться в дальнейших своих действиях, чтобы понять, что нужно Лыбеди? Какую цель преследует она? Задавая себе эти вопросы, я невольно прикидывал, сколько же лет этой женщине, так хорошо выглядевшей, с сохранившейся юной красотой. Владея такой техникой управления временем, можно не бояться болезней, смерти, и иметь само бессмертие в своем арсенале. Знакомство с ней меня возбуждало своей интригой непознанного и одновременно пугало этой неизвестностью.

– Я приглашаю тебя, Валентин в свою резиденцию. Увидишь, как я живу, чем дышу, и наконец, кто я такая. Ведь ты хочешь узнать, например, сколько мне лет, не так ли?

– Ну, во-первых, тебя зовут Лыбедь. Значит ты не иначе, как сестра легендарных братьев Кия, Щека и Хорива, так?! Если это так, то тебе должно быть одна тысяча сто тридцать лет, плюс минус лет тридцать. Так?

Лыбедь, хитро прищурилась и иронически спросила с улыбкой: – А, как ты думаешь?

– Что я думаю, я сказал. – Уверенным голосом ответил я.

– И это еще не предел. – Задумчиво сказала Лыбедь.

У меня на лоб полезли глаза, так этой девушке больше тысячи лет? Вот это да. Она вдруг решительно повернулась в мою сторону и твердо спросила:

– Так ты принимаешь мое приглашение?

– Да!

На что Лыбедь ответила мне улыбкой.

– Смотри, – она указала на полупрозрачный остов летающей тарелки, просматривающийся сквозь толпу застывших фигур пассажиров. – Следуй за мной. Истуканов обходи стороной, они сейчас очень тверды, как металл, и одежда их тоже, стоит зацепиться за острые, как бритва края, вон у той с длинной застывшей накидкой на плечах, можно серьезно пораниться. Идем.

Я недоумевал, как мы будем взлетать в толпе пассажиров, на что Лыбедь ответила: – Летательный модуль никто из пассажиров не видит и не ощущает, он находится в другом измерении, которое не видно и нам. В машине работает навигатор, чтобы мы могли ориентироваться на него, вернее на голограмму, которую он генерирует, и которую мы сейчас наблюдаем. Так что вперед.

Я не мог поверить в то, что Лыбедь сейчас со мной, ведь она мне сказала, что ее плоть погребена в Киеве. Об этом говорят и древние летописи. И все же кто сейчас со мной, как не Лыбедь воплотит?

– Не спеши. Я все тебе объясню. – Вдруг сказала девушка, прочитав мои мысли. На прозрачном корпусе машины, она отыскала, какую-то точку и нажала ее. Внезапно медленно наступили сумерки, небо укрылось звездами, а сквозь темно-синюю мглу проступили отчетливые очертания летающего модуля на трех опорных стойках. Она достала из кармана брелок с ключами, нажала кнопку. Из стенки отделился прямоугольник со ступеньками и стал опускаться к нам. Приглашая жестом правой руки взойти на ступеньки лестницы, Лыбедь сказала:

– Добро пожаловать в будущее Земли, на сто миллионов лет вперед от твоего времени.

И снова мне чудилось, что я во сне, и что это все не настоящее, а какой-то чудесный фильм с прекрасной незнакомкой и приключениями. Я ступил на ступени лестницы. Впереди меня грациозно и легко ступая, поднималась Лыбедь в кабину диско лета. Приятное для глаз свечение пространства кабины, с двумя креслами перед пультом и экраном по всему периметру, сквозь который было видно окружающий нас простор земли, где, опираясь на стойки, стояла наша летающая тарелка. Лыбедь уже уселась в кресло и стала объяснять мне, ловя любопытные взгляды моих глаз.

– Валентин, этот экран, через который ты видишь окружающие нас предметы с наружи, на самом деле не прозрачный. Экран фильтрует приятный глазу спектр окружающего, что позволяет нам видеть даже на поверхности Солнца и внутри его. В космосе есть звезды многократно ярче нашего солнца, и намного опаснее их воздействие на наше восприятие, но этот совершенный аппарат предохранит нас от любого воздействия космического пространства и твердых и жидких сред вселенной.

Но я был поражен пейзажем за бортом кабины, наблюдая бескрайние выжженные и черные от спекшегося шлака земные просторы поверхности.

– Валентин, ты видишь Землю на сто миллионов лет вперед от вашего времени. – Объясняла Лыбедь.

– А что произошло? Где же то прекрасное будущее, что рисуют нам фантасты в своих произведениях, А?! – чуть не плача, спрашивал я.

Лыбедь горестно вздохнула, сказав: – К сожалению, Валентин, реальность намного отличается от разного рода фантазий. А, к чему приводят идеи по изменению реальности, якобы в свою пользу, в пользу человечества, не думая об окружающем космосе, ты можешь наблюдать сейчас здесь спустя сто миллионов лет от вашего времени.

– Ты, можешь мне сказать, что произошло?! – не замечая того, что я назвал Лыбедь на «Ты», девушка и бровью не повела, отвечала.

– Ученые Земли не предавали вниманию изменения в поведении реакций на Солнце. А реакции на Солнце изменила Галактическая Коалиция Наблюдателей. Это было связано с тем, что цивилизация Земли бурно развивалась и была близка к синтезу цепной реакции, которая должна происходить в завершающей стадии нашей вселенной, чтобы начать новый виток развития всего сущего с нуля. Только так возникают и умирают вселенные космоса, состоящие из множества галактик и не иначе.

– Лыбедь, Вы, очень сложно объяснили мне, я так ничего и не понял?

– Извини, я скажу проще. Коалиция приняла решение стереть с лица Земли человечество. Для этого было взорвано Солнце, которое сожгло все на поверхности Земли. И цепная реакция не была достигнута.

– А, когда это произойдет, сколько пройдет времени от нашего летоисчисления?

– Через пятьдесят миллионов лет.

Я перевел дух и успокоился. И чтобы перевести разговор на другую тему, Лыбедь сказала:

– Ты, хочешь узнать, что такое Рай?

– Да и хочу также, чтобы Вы разъяснили, что такое ад?

– Мы сейчас находимся на высоте триста шестьдесят пять километров над поверхностью Земли. Это высота где находится Информационное Поле Земли. На этой пограничной высоте

если сравнить летательный аппарат со скоростью вращения Земли, то он не упадет на поверхность, а будет висеть над одной точкой поверхности неподвижно. Здесь находится Рай. Или скопление Праведных Душ. Особая форма ионизированной материи, или ионов живой воды, несущих информацию о каждом человеческом существе, которое при жизни вело богоугодный образ жизни. Или иными словами генофонд Земной человеческой расы.

– Но, мне ничего не видно, – стал возражать я. – Мы висим над океаном, мне видно в низу Северную и Южную Америки. А кругом космическое пространство.

– Ничего удивительного. – Продолжала Лыбедь. Атомы ионов живой воды рассеяны в пространстве по периметру той материальной формы человека, которую он занимал в своей последней жизни, и находятся здесь, пока не приходит время рождения. Потому ты, Валентин их и не можешь видеть.

– Вот это место и называется Рай? – спросил я.

– Да. – Отвечала Лыбедь, – А вот, когда наступает время рождения индивидуума, преобладающего здесь в форме ионов живой воды, часть ионов заряжается положительным зарядом и начинается формироваться в сгусток. Этот сгусток, как дождь выпадает на более уплотненные слои атмосферы, постепенно приближаясь к земле. И дальше происходят рождения, каждый получает воплощение по заслугам. Как древние письмена трактуют, по своей карме.

– Интересно, Лыбедь.

– Давай я покажу тебе, где находится ад. – Сказала Лыбедь, жестом выбирая в пространстве точку, над пультом управления. Мгновенно на экране возникло раскаленное море. Огромные волны светящихся красной сжиженной массой волны, накрыли наш аппарат, и мы погрузились в это адское море пламени.

– Мы на Солнце. Вернее, уже под его поверхностью. Здесь находится ад. Если присмотреться по внимательнее, то можно видеть в бликах игры светотеней мучительные фигуры мучеников ада.

– Почему ад на Солнце? Ведь в Библии указано конкретное место под землей?

– Библия это священное писание и рисует адские мучения мучеников мучимых гие-ной огненной. А де гиена огненная на Земле? Это поземная магма, наглядное воплощение, извержение вулканов. Да и существует так называемых семи кругов ада. Получается, что Рай один, а ад представляется в семи ипостасях. Так, что он существует и под землей и подводой и на Солнце, и согласно индийскому священному эпосу «Бхагавадгиты» и на адских планетах.

– Лыбедь, а сколько градусов за бортом?

– Двенадцать тысяч по Цельсию, и это потому, что мы почти у самой поверхности. Если проникнуть в глубины Солнца, там до миллионов доходит.

– Надо же, а никакого ощущения, ни перемещений, ни температуры. Такое ощущение, словно мы смотрим кино в зале.

– Наша машина окружена защитным полем, меняющим структуру пространства и материи. На пограничном слое защитного поля происходят импульсивные изменения времени определенной частоты, что предотвращает влияние любой среды на наши перемещения. Короче внутри машины мы не уязвимы, как и сама машина.

– Лыбедь, скажите мне, на чем основана опасность так называемой цепной реакции? Я так и не понял, почему из-за этого наша цивилизация была уничтожена Коалицией.

– Объясняю популярно, для особо одаренных. – Улыбаясь, глядя в мои глаза, своим влажным взглядом черных очей, стала говорить Лыбедь. – Все сущее во вселенной состоит из строительного материала, микровихрей эфира.

– А, как же атомы, молекулы, микрочастицы? Там и в помине нет никаких вихрей, это частички материи с определенными свойствами присущими тому или иному материалу, веществу и так далее. – Сказал я.

– Ой, ой, какие мы умные? – вдруг заулыбалась Лыбедь своей безупречно белоснежной улыбкой. – Все сущее, даже невидимые в микроскоп частички из которых состоит атом, созданы благодаря еще меньшим по размеру микровихрям.

– Вот, как может быть, ни с того, ни с сего, вдруг. Неоткуда возникает этот стройматериал, вихрь?

– Пространство, где нет вселенных, состоит и вокруг нас существует темная материя, или антиматерия, эфира, которой принадлежит девяносто пять процентов космоса. Нашей материи в пространстве всего пять процентов. И эти пять процентов материи и есть микровихри антиматерии. Известно, так же науке, что при соединении материи и антиматерии происходит аннигиляция, то есть материя превращается в импульс света и исчезает. И это может произойти в одном случае, когда микровихри распадаются и это происходит в цепной реакции, изобретенной человечеством через пятьдесят миллионов лет от твоего времени. Это не ядерная цепная реакция, это цепная реакция распада микровихрей антиматерии, потому, что в вихревом состоянии антивещество не может соединиться с материальной частицей, а есть строительный материал для всей нашей вселенной и для других вселенных в целом. Вот так-то дружок.

Я смотрел на Лыбедь и удивлялся ее знаниям.

– Конечно, ты меня можешь спрашивать, откуда у меня такая осведомленность? Не удивляйся, дружок, ведь мне не один век, мне много лет. Да я и сама перестала вести счет своему летоисчислению.

– И, что теперь? Может Вы, поделитесь секретами вечной жизни?

– Не сейчас, Валентин. – Она снова посмотрела на меня, своими прекрасными глазами и, улыбнувшись, сказала, – Мы опоздаем на поезд. Нам пора возвращаться.

– А, знаете что, Лыбедь, давайте не поедem поездом, а используем Ваш транспорт и встретим поезд в Питере, прямо на вокзале.

– А, что ты скажешь своим коллегам, как ты объяснишь свое появление. За это тебя могут выгнать с работы.

– Да, Лыбедь, я не подумал, извините. – Я почувствовал, как краснею. Стало стыдно перед этой девушкой. А Лыбедь, уже предложила мне выйти из машины. Вскоре мы стали на свои места у застывшей проводницы. Лыбедь нажала кнопку брелка, висящего на связке ключей от машины. Мгновенно все задвигалось вокруг, зашумело. Лыбедь сделала мне знак, и с беспечным видом, показывая всем, что мы только что сошли с поезда, двинулись в сторону киоска на платформе. Постояв там с минуту, вернулись в купе вагона. Мои коллеги уже были в постелях на верхних полках. От выпитой водки их разморило, они уже спали. А мы сидели за столом купе, наблюдая за пассажирами на наш поезд.

Глава четвертая

В купе поезда «Стрела», следовавшего в Ленинград, разговоры крутились вокруг различных случаев из жизни, строго соблюдая подписку о не разглашении, так как оба сотрудника, военный и гражданское лицо, на заводе работали представителями воинской части Военно-морского Флота СССР. Ночью, под стук колес, спали все, и спалось, как в детской колыбели, убаюкиваясь ритмичным покачиванием вагона. Днем, Федор Харитонович и Сергей Михайлович, снова пили водку, приглашая меня принять участие, но я тактично отказывался, ссылаясь на то, что случайно встретил свою одноклассницу и не могу выпивать. Коллеги поняли мою озабоченность и особо не огорчались. Лыбедь не разговаривала, ехала, молча, изредка поглядывая на меня. Поезд прибыл в Ленинград около четырех часов дня. Мы распрощались с девушкой на перроне, а сами на такси уехали в служебную гостиницу Ленинградского НИИ, где нам был предоставлен номер на троих. Мои коллеги в Ленинграде планировали пробыть две недели, мне отведено всего два дня, и уже в понедельник я должен буду сесть на поезд в обратный путь. Не теряя времени, я к девяти часам с папкой содержащей изменения в чертежи, отбыл из гостиницы в КБ НИИ, где уже ждала меня конструктор Резникова.

В КБ я пробыл всего полдня и был уже свободен к пятнадцати часам, выполнив задание полностью, я получил подпись на внесение доработок в изделие до получения новых чертежей, что и требовалось. Оставив в гостинице папку с документами в портфеле, я вышел из гостиницы на Невский проспект. Моей целью был Зимний Дворец, который я мечтал посетить с того самого момента, как побывал там на школьной экскурсии, когда учитель географии нашей школы Иван Панасович, возил нас всем классом в город герой Ленинград. На метро я доехал до станции «Адмиралтейская» и вышел к Исаакиевской площади. Здесь хорошо виден Исаакиевский собор. От Исаакиевского собора до Зимнего дворца можно прогулочным шагом пройти Адмиралтейским проспектом к Дворцовой площади, где величаво возвышается в ее центре, перед самым Зимним Дворцом, Александровская колонна. Я с восхищением смотрел на парадный вход Исаакиевского собора, рассматривал экскурсантов входивших и выходящих из его монументального здания, среди которых видны были и женские фигуры в платочках. Верующие останавливались на ступенях собора, крестились и с поклоном входили в распахнутые двери храма. Торжественность здания невидимой силой святого места воздействовала на меня, вселяя уверенности, утверждая веру в себя, в собственные силы, в то, что любые трудности этой жизни проходящие, и все, что связано с земным бытием все не важно. Важно лишь праведность, добрые поступки, благородство и сострадание к ближнему своему. Еще не решаясь войти внутрь здания, я стоял, размышляя над земным бытием, как вдруг, кто-то меня легонько взял за локоть. Я обернулся и увидел Лыбедь. Она стояла рядом со мной и улыбалась своей очаровательной улыбкой.

– Здравствуй, Валентин.

– Здравствуйте, Лыбедь. – Я с удивлением смотрел на нее, и не мог поверить, что мы снова вместе, и здесь у подножия этого величественного храма. – Вы, как всегда, таинственно и неожиданно появляетесь рядом. Я где-то уже начинаю догадываться, кто Вы для меня?

– И, кто же? – с крайним любопытством спросила Лыбедь.

– Вы, похоже, мой ангел хранитель в плоти, не так ли, таинственная Лыбедь?

– О, как приятно это слышать. Но это не совсем так. У меня тут, как и у тебя, Валентин, тоже дела.

– Очень интересно.

– Я, спасала некоторые бесценные сокровища Зимнего Дворца, которые все равно были обречены быть уничтоженными.

– Я не совсем понимаю, Вас Лыбедь?

– Хотите экскурсию. Я покажу тебе, о чем идет речь и ты, Валентин, даже сможешь поучаствовать.

– Да, Лыбедь, Вы умеете заинтриговать. И еще, я, почему-то рядом с Вами, чувствую себя более уверенно. Вы, как мой талисман, оберег от неприятностей.

– Валентин, не надо ироний. Ты, готов последовать за мной?

– Конечно, я даже Вам благодарен за то, что у меня в жизни состоялась эта встреча с Вами, Лыбедь. Хоть я и не совсем верю в то, что это мне не снится, а происходит наяву.

– Ну, пошли. – Лыбедь сделала жест рукой, приглашая меня следовать за ней.

Она повернулась и зашагала Адмиралтейским проспектом в сторону Дворцовой площади. Я поравнялся с ней и бесцеремонно взял ее под правую руку. Она удивленно посмотрела на меня, улыбнулась своей ослепительной улыбкой, сказав: – Хорошо, я согласна. – И стала неловко вышагивать со мной, стараясь идти в ногу. Мне показалось, что ходить под руку для Лыбеди было в новинку. И спросил ее об этом:

– Скажите, Вы никогда не ходили вот так с мужчиной под руку?

Она засмушалась, легкий румянец коснулся щек, затем преодолев смущение, ответила: – Там, откуда я родом, там не принято так ходить.

Я почувствовал себя мужественнее, рядом с этой смущенной девушкой. Все же имея огромный исторический опыт, эта девушка сохранила в себе-то женское начало, которое в подсознании мужчины возбуждает то рыцарское чувство, которое толкало и толкает истинных мужчин на подвиг во имя женской красоты, ее женственности, ее обаяния и добродетели. Эти качества в современных женщинах, к сожалению, так редки. Практически их нет, они полностью утрачены, за редким исключением. Я шел рядом и все больше проникался ее обаянием. Я чувствовал ее близость, ее неуловимый запах развивающихся волос и вдруг понял, что влюбился. Внезапно, как молния, я был сражен мыслью: – «Что я скажу жене?». Мгновенно получил ответ: – «Я, Лыбедь, тебя не буду ревновать».

Повернувшись к ней, я посмотрел на нее. Девушка улыбнулась мне, показывая, что она ответила на мой мысленный вопрос. Я открыл рот от удивления. И улыбку грустную увидел.

– Валентин, мне грустно, потому, что я не могу умереть. Я должна быть здесь на Земле до конца времен, прости меня, любимый. – Она повернулась ко мне, взяла ладонями мои щеки и прижала к своим полным губам. Я ощутил неудержимое блаженство и трепетное истечение чувственного нектара божественной любви из родника ее губ, купаясь в блаженном запахе ее волос, ощущая тепло ее трепетного и такого юного женского тела.

– Я давно люблю тебя. – Сказала Лыбедь, грудным взволнованным голосом. – Ты тот, кто назначен мне судьбой и будешь мой до скончания века. Не бойся, все будет хорошо. Я буду помогать Вам с женой. Люби ее и люби меня. Не изменяй нам.

Мы уже подошли к Дворцовой площади. В центре высится Александровская колонна со скульптурой ангела, держащего крест в руке. У самой колонны Лыбедь достала свой брелок с ключами и нажала кнопку замка. Раздался характерный звук, медленно вся площадь стала погружаться в синюю тьму. На месте Александровской колонны возник летающий диск, стоящий на трех опорных стойках. И так же, как и в прошлый раз, медленно отделилась узкая часть диска с лестничными ступенями. Когда нижняя часть лестницы уперлась в черный песок шлака, Лыбедь сказала:

– Прошу. – И первая вошла в кабину машины.

Я последовал следом. И уже сидя внутри диска, в кабине, спросил: – А, как оказалась твоя летающая игрушка здесь?

– Я задала ей программу. И пока мы ехали в поезде, транспорт стоял уже тут, дожидаясь меня. Еще я тебе хочу сказать, что мы не поедем поездом. Я тебя доставлю в Киев к прибытию поезда, и ты попадешь домой вовремя.

– Послушай, Лыбедь, мне надо что-то купить жене, какой-то подарок.

– Конечно, купишь. Мы на нашей машине обследуем магазины, и ты выберешь понравившийся подарок и купишь.

В этот миг мне показалось, что девушка подсмеивается надо мной, так сказочно рассказывая мне эти небывлицы. Но мои недавние приключения на Замковой Горе развеяли сомнения, и перестал сомневаться в ее словах, а заодно и стал доверять ей всецело и без сомнений. Между тем Лыбедь продолжала говорить.

– Валентин, мы сейчас переместимся в тысяча восемьсот тридцать седьмой год в день грандиозного пожара семнадцатого декабря.

– Какого пожара, Лыбедь?

– Зимний дворец, о котором ты мечтал еще до рождения, в этот день сгорел. Это уникальное зрелище потрясло тогда всю империю.

– Знаешь, Лыбедь, кому рассказать не поверят. А еще за эти рассказы могут точно упечь в психиатрическую больницу, там у нас в Киеве Павловской больницей зовут.

– Ну, так никто же тебя и не просит об этом рассказывать. И вообще помни, что в нашей галактике, более трехсот шестидесяти сверх цивилизаций проживает. А еще много бродячих, которые рыщут по вселенной в поисках подходящей планеты для обитания. Ты, наверное, слышал о серых, которые за право проводить свои эксперименты на Земле проводят торги с правительствами развитых стран продавая технологии. И, поверь, скоро ты увидишь к концу века, ну, где-то к в девяностых годах появятся мобильные телефоны, потом компьютеры и многое другое.

– А, как будет выглядеть мобильный телефон?

– Как пачка сигарет, только тоньше и с плоским экраном, на котором будут высвечиваться цифры для набора номера. Телефон изящный маленький, вот взгляни. – Лыбедь вынула из нагрудного кармана куртки плоскую пластину с светящимся экраном, на котором видны картинки величиной с почтовую марку. Она провела пальцем по экрану и мгновенно картинки уплыли с экрана, на их место появились фотография водопада, затем фото диковинного зверя. Я смотрел на это чудо техники и не верил своим глазам.

– И, что это карманный телефон?

– Он будет называться смартфон.

– И, что можно позвонить домой?

– Конечно. Какой твой номер домашнего телефона?

– Не могу поверить! – удивлению моему не было предела. Лыбедь, выжидательно смотрела на меня, в ее глазах светилось любопытство и ожидание.

– Ну, говори номер телефона? – повторила она свой вопрос, – И можешь поговорить с женой прямо сейчас.

Я не решался ответить ей, так как думал, что это розыгрыш. Но ее настойчивость убедила меня.

– Слушай, ноль сорок четыре четыреста десять семьдесят четыре ноль четыре.

Лыбедь быстро набрала на экране номер, телефон в ее руках стал ритмично издавать гудок. Затем в трубке послышался голос жены: – Алло!

Девушка передала мне смартфон, я приложил экран к уху и сказал: – Лиличка, это я. Здравствуй.

– Привет, Валик! – раздался ее нежный голосок, – Ты из гостиницы звонишь, да?

– Да, я хорошо тут устроился и буду в понедельник уже дома.

– Как там, в Ленинграде продукты есть?

– О, да.

– Купи апельсин и лимон. Мы тут давно не видели этих продуктов. А колбаса там есть?

– Сырокопченая, салями, привезу.

– И кофе.

– Да, Лиличка и кофе привезу. – Я не мог поверить, что говорю с женой с этой удивительной пластинки, и она меня отлично слышит. Жена почувствовала, что со мной что-то не так, сказала:

– Валик с тобой все в порядке?

– Лиличка, тут так красиво, что я от удивления впал в ступор и никак не могу выйти из него.

– Ах, как жаль, что меня нет рядом.

– Я не могу так долго говорить, за междугородку вычтут много денег.

– Хорошо, кладем трубки. – После этих слов в смартфоне послышался характерный звук зуммера. Я передал телефон Лыбеди, с удивлением, глядя на нее.

– Да как это возможно, Лыбедь?

– Как видишь, возможно, но только не в восемьдесят первом году.

– Рассказать кому, точно скажут, что из дурки.

– Давай посмотрим на пожар в Зимнем дворце. Интересно, как его гасили, что сгорело и, что удалось спасти.

– Транспорт стоит точно на месте Александровской колонны. Пожар происходил в то время, когда уже стояла колонна, и когда мы окажемся в во времена пожара то колонна нас просто проткнет, вот и все?

– Нет, Валентин, это не так. Защитное поле Диска – это слой временных преобразований и поддерживает транспорт от времени восемьдесят первого года на сто миллионов лет вперед. Такая огромная датировка по времени позволяет нам не бояться, что того что нет никак не сможет нас проткнуть, хоть и наши органы чувств и будут находиться во времени, когда случился пожар в Зимнем дворце. Вот посмотри, я наглядно продемонстрирую тебе то, что с нами ничего не сможет произойти.

С этими словами Лыбедь жестом передвинула на пульте управления значки, и взглянув на меня, сказала: – Смотри вверх.

Поднял голову кверху. На прозрачный купол машины, над моей головой, упиралась часть Александровской колонны. Лыбедь комментировала увиденное явление:

– Если бы ты видел сквозь днище аппарата, то увидел бы продолжение, ее основание. При этом с колонной ничего не происходит, потому, что мы ее наблюдаем с расстояния в сто миллионов лет, где ее уже нет, а она находится в своем времени.

– А, теперь понимаю. Ну, а если, все же препятствие окажется и в многомиллионном будущем, что тогда? Программа машины так устроена, что вносятся, мгновенные коррективы в вихревой цикл временных преобразований и аппарату, равно как и нам, ничего не будет грозить.

– В истину чудеса! – в изумлении воскликнул я, что вызвало у Лыбеди улыбку. По всему было видно, что мое удивление забавляет девушку.

– Давай посмотрим на колонну со стороны, – она взглянула на меня, улыбаясь своей очаровательной улыбкой, манипулируя руками над пультом. Колонна переместилась в сторону. Я поневоле с облегчением вздохнул. Никаких перемен не произошло, и только со стороны Зимнего дворца языки пламени освещали заснеженную Дворцовую площадь, укрытую дымом, как туманом. Конные подводы носились туда-сюда. Всюду слышны крики и ржание лошадей. Много военных, как муравьи, тащили разные предметы, от их тулупов, шинелей, и рубашек, в которые люди были одеты, шел пар. Некоторая одежда на них была в обгорелых дырах. Наш летающий диск стоял метрах в десяти от Александровской колонны, все хорошо просматривалось отсюда, сквозь прозрачный купол кабины. Внезапно с диким ржанием, на нас мчалась тройка лошадей с пожарной бочкой воды. Возница хлестал упряжку, подгоняя и так взмыленных коней. Я даже не успел испугаться, только нагнул голову к коленям и приготовился к удару. С минуту сидел так, сгорбившись. Лыбедь в это время с интересом наблюдала за мной.

Не услышав ничего, что могло повредить наш аппарат, я поднял голову и увидел, хвост удаляющейся тачанки, не причинившей нам вреда.

– Они не только не могут причинить нам вред, но мы для них не видимы. – Комментировала с улыбкой Лыбедь.

– Да, чудеса продвинутых технологий, еще с трудом воспринимаются мной.

– А мне интересно, как ты реагируешь на все на это.

– Лыбедь, ты, поэтому заинтересовалась мной? – спросил я девушку прямо, без обиняков.

– И не только.

– А, что еще тебя побудило принять такое решение, стать моим гидом.

– Все очень просто, Валентин. Ты фантаст и напишешь много книг. Рано или поздно, тебя могут заметить силы враждебные Земле, и Земной развивающейся цивилизации. Чтобы преждевременно не попали вредоносные технологии в руки Землян, было принято Коалицией опекать тебя. Ты ведь спас двоих пилотов изучающих вашу жизнь и это стало толчком для твоей опеки. Мы гуманная цивилизация, желаем людям добра, поэтому и помогаем тебе, а ты в своих книгах будешь излагать увиденное со мной, чтобы помочь Землянам справляться с вызовами времен. – Высокопарно закончила Лыбедь.

– О, я тронут. Просто не знаю, что и ответить. Могу сказать, что оказанные мне знаки благодарности спасенными инопланетянами, не учли одного. – Я взглянул на Лыбедь, знает она уже о чем я буду говорить.

– Да, конечно, Валентин. Тебе командир предложил, помнишь, когда шла свадьба, и тебе было двенадцать лет?

– Конечно, он сказал мне, может тебе деньги?

– И, что ты ответил?

– Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

– Вот видишь. Конечно тогда, коллеги очень удивились твоему ответу, но приняли решение по жизни помогать тебе. Вот поэтому я здесь.

– Так дайте мне деньги, чтобы я смог полноценно жить и трудиться над своими книгами.

– Смешно, Валентин, но твой лимит долга за спасение пилотов исчерпан, а блага даются за определенные заслуги, которые надо заработать. Ты ведь помнишь, что тебе было сказано на прощание.

– Да, мне давали код, по которому я мог в любой сложный момент жизни связаться с пилотами и попросить блага.

– И, что было сказано еще?

– Да, вспомнил, что за все надо платить.

– Даже если бы ты запомнил код связи, эти блага дали бы тебе не просто так, а за определенную плату, замещая для твоих благ что-то, что является для тебя возможно намного дороже приобретения этих благ.

– Ладно, пусть будет, как будет. Раз ты есть, моя наставница, то я буду черпать информацию, для своих книг, которая откроет для меня окно к другим мирам и цивилизациям космоса. Я даже возьму себе псевдоним, Валентин Спейс, от английского слова космос.

– Да, так и есть. Твои книги выйдут под псевдонимом В. Спейс. Валентин, давай все-таки посмотрим на это грандиозное зрелище пожара. – И Лыбедь, манипулируя руками над пультом, направила аппарат ближе к Зимнему дворцу, пламя охватило уже второй этаж. Фигурки людей скользили по льду крыши, пытались проникнуть через сорванный потолок, спасая сокровища дворца в еще не охваченных пламенем комнатах. А возле Александровской колонны все увеличивалась количество вынесенного из дворца, как стог сена. Сокровища лежали вперемешку с посудой, старинным оружием, стояли картины, иконы, ковры и все то, что удалось спасти от языков пламени.

– Лыбедь, может и мы, что ни будь, спасем, что должно сгореть, а?

– Нет. В первых мы не знаем, что бесследно должно сгореть. А если так, то произойдет нарушение причинно следственной связи, а это меняет целые пласты истории, что категорически запрещается Коалицией.

– Да фук с ней с этой Коалицией. Возьмем, какой ни будь бриллиант, вон их сколько. – Кивая в сторону колонны, где лежали горы золотой посуды и украшений.

– Нарушение закона эволюции сродни с самоубийством. Это категорически запрещается, не только развитием, но и жизнями будущих поколений. Помнишь, что за все надо платить?

– Да, помню. – Грустно ответил я.

– Ну, вот, считай, что первый урок мы прошли успешно...

Историческая справка:

«Пожар в Зимнем дворце 17 декабря 1837 года стал одним из самых грандиозных пожаров в истории Российской империи. В результате пожара полностью выгорели второй и третий этажи Зимнего дворца, в том числе интерьеры Ф. Б. Растрелли...».

Глава пятая

– Барон Эрнест фон Фиркс-Нумгузен, в 1914 году заместитель депутата от курляндского дворянства в Рижском политехническом институте.

Баронесса Ада фон Фиркс в 1916—1917 годах проживала в Риге по адресу Столбовая 6... По версии бабушки по твоему отцу: у Эрнеста фон Фикса и Ады фон Фикс, было двое детей, сын и дочь. Сына звали Альберт фон Фиркс. Ему было 19-лет, когда он влюбился в простую девушку. Когда отец узнал об этом, девушка была уже беременна от Альберта. Отец был вне себя. Но трагическая гибель Альберта поменяла расположение Эрнеста Фон Фикса к бедной беременной девушке. Альберт любил лошадей и охоту. В возрасте 19—20 лет, он объезжает резвого жеребца. Конь несет его в заросли. В лесу он погиб от падения с лошади. В 1904 году эта девушка родила мальчика. Эрнест фон Фикс дает ему свою фамилию и усыновляет малыша – Сказав эти слова, Лыбедь внимательно посмотрела на меня, ожидая вопросов.

– И, зачем ты мне это говоришь, о чем я давно знаю со слов моей бабушки?

– Нурмуйжский замок находится в поселке Лауциене. Хочешь взглянуть, где вырос твой прадедушка Альберт.

– Ну, да конечно. Мне это очень интересно.

– Тогда поедем в Нурмуйжский замок, который перестроил Эрнест Нумгузен, отец твоего прадеда Альберта.

– Ты мне скажи, пожалуйста, Лыбедь, почему из-за лошади гибнет мой прадед Альберт, а я чуть не погиб тоже от жеребенка, попади он копытом прямо в мой лоб, меня не было бы в живых? Тогда удар копытом прошелся вскользь лба и только содрал кожу.

– Потому, что ты находишься под защитой и моей опекой.

– Ох, Лыбедь, как трогательно. Я вижу поле перед конюшней и лошадей на этом поле.

– Да, это конюшня Нурмуйжского замка. И ты наследовал бы и замок, и этот табун лошадей вместе с конюшней, если бы твой дед Фриц Янович остался жив.

– Ты знаешь, я делал запросы в архивы, но получал отписки, нигде нет документов. Я даже не знаю, где захоронен мой дед, и вообще был ли он на самом деле?

– Конечно, был. А по роду его службы он не мог служить под своей фамилией, поэтому и был взят псевдоним Грязнин Фриц Янович, но твоего отца он все-таки назвал Альбертом, в честь твоего прадедушки. Вот теперь ты и носишь отчество Альбертович.

– Что ж, это история, пусть остается в прошлом. И мир праху предков, а нам жить нужно дальше. Кстати я разыскал семейство фон Фирксов, писал им. Но они не ответили мне.

– Ну, так ты будешь осматривать замок, есть еще второй, охотничий.

– Нет. Не хочу, в двадцатые годы произошла национализация владений, и теперь эти замки, и все рижское побережье, которое принадлежало этому семейству, были национализированы. Давай уедем отсюда, хорошо?

– Давай. – Лыбедь снова начала проводить манипуляции над пультом управления, и картина за прозрачным куполом кабины менялась, как декорации в театральной постановке.

А мне стало грустно. Захотелось до боли увидеть моего прадедушку Альберта, какой он был. По рассказам бабушки красивый и стройный, она видела его фотографию, когда гостила с маленьким Альбертом, моим отцом, у Эрнеста фон Фиркса и Ады в их квартире в Риге в 1929 году.

– Лыбедь, пожалуйста, давай вернемся в 1903 год в Нурмуйжский замок. В это время у моего прадеда была любовь по имени Эльза, простой девушкой. По преданию, очень красивой девушкой.

– Да нет проблем. Наш аппарат – это может в одно мгновение. – Прodelав движения кистями над пультом, и в такт движением ее рук за прозрачным куполом кабины изменились

окружающие виды. Мы снова очутились на поле перед конюшней. Парадный вход, был украшен четырьмя колоннами, венчавшими дубовые ворота, которые были распахнуты настежь. Конюхи выводили один, за одним, вороных лошадей немецкой породы. Вокруг ограды толпились посетители, наблюдая за проводкой перед их глазами рысаков. На каждой лошади виднелись прикрепленные номера. Из толпы посетителей доносились выкрики, Посетители называли тот или иной номер. И лошадь с названным номером, отводилась к специальной привязи. Похоже, было, что проводился торг, а посетители – это покупатели, приехали выбрать лошадей для ипподромов, школ верховой езды, и прочих нужд хозяйства. После проводки верховых лошадей, конюхи вывели тяжеловесов, крупных и приземистых лошадей предназначенных для транспортировки тяжелых грузов. Их тоже отобрали, и три лошади были привязаны рядом с верховыми. Все они после формальностей купчей приобретут своих постоянных хозяев. Ну и конечно же, как всякое мероприятие, не обходится без представления, гостям организовано представление по объезде молодых жеребцов. Конюх вывел на поле резвого вороного и беспокойного коня. Лошадь ржала, брыкалась, налитые кровью глаза сверкали недобрый блеском, а взнузданная пасть сверкала ровной белизной зубов, норовя хватить зазевавшегося конюха. Но, мужчина, выведший лошадь на этот импровизированный подиум, был опытен и пресекал опасные поползновения резвой лошади, то хлыстом, то уделом, отстраняя пасть и копыта лошади на безопастьное расстояние. Эти маневры с трудом удавались опытному конюху. Из распахнутых дверей конюшни, вышел широкоплечий высокий юноша в форме наездника. Он улыбался своей приветливой улыбкой, приветствуя присутствующих. К нему подбежала девушка в длинной юбке с букетиком полевых цветов и вручила его, потом не удержалась, поцеловала в щеку. В этот самый момент, конюх застыл на месте, наблюдая за этой парой. Видно было, что девушка влюблена в наездника. Вороной жеребец, воспользовавшись заминкой конюха, хватил зубами его плечо. Зрители хором вздохнули, сдерживая, жеребца, конюх отпрыгнул в сторону, оставляя в пасти лошади клочок своей куртки. Наездник, увидев это, сунул девушке букетик цветов, а сам бегом бросился к жеребцу. Конь, пытаясь повернуться к наезднику крупом, метался вокруг конюха с диким ржанием, конюх изо всех сил сдерживал разъяренное животное. Улучив момент, когда жеребец, встав на дыбы, рвался из рук конюха, наездник подскочил к седлу и в мгновение вскочил на лошадь, не успевшую еще опереться передними ногами на траву. Это помогло всаднику на мгновение одержать контроль над взбешенным жеребцом, который ощутив на себе ношу, так рванул вперед, что вырвал длинный повод из рук конюха и стремглав пустился с седоком в сторону открытых ворот ограды. Не достигнув ворот, жеребец летит через ограду, повод, волочившийся следом, мгновенно цепляется за жердь ограды и рвет жеребца назад, но не удерживает его и лопається, лишь чуть пригнув голову коня к земле. Всадник и лошадь в бешеной скачке скрываются от зрителей. Конюх прикрывает рванный клочок плеча, идет в сторону конюшни под аплодисменты зрителей. Там уже ждет его Эльза, дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.